

Смелый

СМЕНА

19

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В НАРОДНОМ КИТАЕ

Художница Л. Кассис прислала нам из Пекина рисунки, рассказывающие о жизни нового Китая, о его людях.

Вот Шинцзинаньский металлургический завод. Это одно из крупных предприятий республики. За год досрочно выполнил план первой пятилетки и еще в августе достиг уровня производства 1957 года.

Другой рисунок посвящен теме китайско-советской дружбы. Он сделан недавно, когда в Пекине проходил фестиваль советских фильмов. На экранах столицы и других городов зрители увидели кинокартины «Школа мужества», «Судьба Марины», «Верные друзья».

Гордость нового Китая — его молодежь. Миллионы юношей и девушек самоотверженно трудятся на заводах, фабриках, полях. Чжан Сяошэн, портрет которого помещен на этой странице, 23 года. Несколько лет назад Чжан окончил техническое училище, и теперь он токарь Шанхайского государственного турбостроительного завода, отличник труда.

У Чан Синь-хуэй другая работа. Она переводчица с русского языка. Девушка принимает активное участие в ликвидации неграмотности среди населения, руководит кружком художественной самодеятельности.

А что сказать о И Цинь? Эта девочка — ровесница республики. Ей семь лет. Она впервые взяла в руки книгу. Скоро И Цинь научится читать. И тогда она узнает много интересного о своей стране и о ее великом соседе — Советском Союзе.

Жизнь расцветает!

Фотоотд. агентства Синхуа.

ПУСТЬ СКАЖЕТ СВОЕ СЛОВО МОЛОДЕЖЬ!

ШИ ФАН-ОЙ

Есть у каждого цель. К ней идет человек,
Есть призвание, которому верен навек.
Бьет родник бесконечный, по камням звеня,—
Молодежь, сколько силы в тебе и огни!
Ураган заглушить, перевернуть тробыты —
Все тебе по плечу, ибо Молодость ты.
Ты рукою коснулась далекой звездки.
Ты проникла в глубины, в земные пласты.
Ты пылито исследуешь, не было чтоб
Неизведанных тайн, непрорубленных троп.
И жемчужины пота стекают со лба,
И, за труд благодарные, зреют хлеба.
И лучи освещают в деревне дома,
Где когда-то стояла ирремешная тьма.
Золотые лучи ты у солнца берешь.

Только жизнь началась для тебя, молодежь!
Ты желаешь раскинуть неизданный сад,
Пред которым эдемы отступят назад,
Вот что делает Юности! Я горд за нее,
Но у каждого в жизни призвание свое.
Люблшь ты рисовать, и послушная кисть
Очуневает в яркую, новую жизнь.
И когда ты забудешься, друг мой, на миг,
Увидев «Бурлаков», все равно как живых,
Ты прочтешь в их глазах те же скорбь и не-
чь,
Что в глазах твоей матери выделись встарь.
А не будь тех картин — вы представляте на
диг,—
О, насколько бы жизнь обеднела без них!

Не тебе ли, мой друг, ибо Молодость ты,
Этот репникский факел в искусство нести!
Брат уходит далеко. Так сердце велит.
С ним блинот для заметок и теодолит.
А сестра молодая мечтает о чем! —
«Я, друзья, обязательно стану врачом!»
В нашей жизни неграмотный сын бедняка
Стал писателем, слава его велика!
Я же просто солдат. Им не быть не могу.
Я стою на высоком родном берегу,
Защцая геологов радостный труд,
Защцая мою молодую сестру.
Ясный день. Ветерок. Я стою на посту —
И спокойны поля и деревья в цвету.
Лунной ночью беззвездной я вахту несу —

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь, № 19. 1956 год.

Год
издания
33-й

У МЕНЯ ШЕСТЬСОТ МИЛЛИОНОВ ДРУЗЕЙ,—

говорит кузнец СЕРГЕЙ СУСТРЕТОВ

И влюбленные шепчутся где-то в песу.
Я тожу по своей неоглядной стране,
Нам своей территории хватит вполне.
Мы шагаем вперед, никому не грозя.
Молодые японцы, мы ваши друзья!
Протяните нам руку, другой же рукой
Оттолкните того, кто готовит разбой.
Руку дружбы, иранец, ко мне протяни,
Пусть мы будем друзьями на долгие дни!
Разве их отличишь, твою руку, мой друг,
От мохн рабочих, натруженных рук!
Но идет ницета за тобою вослед,
А у нас, у китайцев, ее уже нет.
Индонезии братья, индийский мой брат,
Наша вечная дружба не знает преград!
Брат из Бирмы, жму руку твою горячо!
Как прекрасно почувствовать друга плечо!
Друг из Штатов, но мне, как товарищ, приди!
Разве ненависть в нашей клокочет груди!
Протяни же и ты свою руку ко мне,
Скажем «Нет!» истребительной новой войне.
Вам, кто видел в ночи оплывающий взрыв,
Вам, английские юноши, дружбы порыв!
Если Кювентри факем в груди не погас,
Значит, нету товарищей, преданной вас.
Жму я руку тебе, мой товарищ и друг,
Коммунаров отважных достойнейшей мужи!
И тебе, итальянец, я руку даю —
Ты казния Муссолини, ты дрался в бою!
Если дружба во всех расцветет уголах,
Если руки товарища в верных руках,
Если встанет стеною за мир молодежь,
Монолитной и крепче стены не найдешь!

Молодежь, ты сегодня должна выбирать:
Жить тебе или завтра в бою умирать.
Если встретимся мы, молодой человек,
Пусть не злыми врагами — друзьями навеки.
Нам при встрече не пулю друг в друга вса-
дить.

А на лучшее место гостей усадить,
И в руках не винтовки держать, а цветы.
Я за это. Я знаю: за это и ты.
Не в бою мы с тобой состязаться должны —
Пусть по ровным дорожкам летят бегуны.
Олимпийские игры — наш праздник большой,
Пусть спортивный порыв овладеет душой.
И мотив, что уже по Варшаве знаком,
Пусть становится общим для нас языком.
Выбирай приключенческий умный роман,
И стихи, и картины, и киноэкраны,
Танцы, жаркие диспуты, розы бутоны
Для подруги, в которую нежно влюблен.
Выбирай мечты, молодые друзья,
Вас мечты окрылят, далеко унесут.
Если с детства о море мечтаешь тайком,
В чем же дело! — Учись становиться моряком.
Если стать литератором думаешь ты,
Я уверен, что сбудутся эти мечты.
Все живущее пусть без боязни живет,
Все, что может расти, пусть без страха растет.
Я отчины любимой прострой рядовой.
Я сияющую оружье. Я часовой.
Я хранию нашу жизнь, нашу землю хранию
И с народом иду к лучезарному дню.
Но задумай асли безумцы-враги
Распахнуть наши двери ударом ноги,
Мы не станем от пули трусливо бежать,
Мы заставим прищельцов от страха дрожать.
Мы за мир, но угрозами нас не возьмешь.
Мир — мир! Поднимайся за мир, молодежь!

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

Да, шестьсот миллионов друзей. В этих словах нет преувеличения. Сергей Сустретов, кузнец Московского автозавода имени И. А. Лихачева, недавно побывал в Китае. Там он познакомился с замечательными людьми, которых увидел, как они трудятся, как строят новую жизнь, многим из них помог добрым советом...

Редакция попросила Сергея Сустретова рассказать о своей поездке в Китае.

Китайские друзья внимательно следят за намыдм движением своего русского товарища...

Еще вчера утром я штамповал на своей горизонтально-ковочной машине шаровую опору, одну из трех тысяч деталей грузового автомобиля. Еще вчера товарищи автозаводцы говорили мне на прощание: «Прощай привет чаичуныским кузнецам, помоги им, как только можешь.» А сегодня я уже лечу к ним, к моим далеким друзьям, и под крылом самолета тинется неслыхаемая гряда прочерченных извилистой линией Великой Китайской стены.

Наконец самолет приземлился на пекинском аэродроме. Как выразить словами впечатление о первых встречах, как передать сердечность рукопожатий и дружескую теплоту улыбок! У меня в записной книжке сразу же появились десятки иероглифов — фамилии и адреса новых друзей. Вот автограф Пун Мина — инженера кузнечного цеха Шанхайского турбинного завода. Вот конверт с заранее написанным адресом: «Город Тяньцзинь, пружинный цех рессорно-пружинного завода, Ма Цаун-лину». А вот записки, сделанные кузнецом Нанкинским авторемонтного завода Яо Линь-шенем. «Обязательно приезжай!», — сказала мне

этот кузнец, возвращая записную книжку. — Найти наш завод очень просто: он на центральной улице».

Прингласений оказалось так много, что если бы мою полутрагическую командировку продолжили на целый год, все равно не удалось бы побывать у всех этих приветливых и гостеприимных людей.

В этот день на аэродроме было очень много людей. В Пекин съезжались представители предприятий из всех провинций страны — делегаты Всекитайского слета передовиков машиностроительной промышленности.

Слет проходил в исключительно теплой и в то же время деловой обстановке. Разговор главным образом шел о том, что надо делать для того, чтобы опыт лучших труженников стал достоянием всех рабочих и инженеров.

Как специалиста по горячей штамповке меня пригласили принять участие в работе кузнечной секции. Во время перерывов мы с китайскими товарищами отправлялись на столичные предприятия. И на станкостроительном и на заводе сельскохозяйственного оборудования — везде, где нам довелось побывать, куз-

нецы просили показать советские методы работы. Они задавали столько вопросов, что переводчик Лань Бо-чи, или Сана, как он называл себя, едва успевал записывать их.

— Почему вы уменьшаете груз на противовеся, тогда как мы увеличиваем его?

— Какой силы должна быть водяная струя при охлаждении штампа?

— Как за один нагрев заготовки штамповать две — три детали?

— Что дает попертывание заготовки в ручье штампа и на сколько градусов нужно поворачивать ее?

Я старался отвечать как можно понятней и проще. Китайские товарищи внимательно прислушивались к каждому слову, стараясь все записать в свои блокноты.

В перерывах между заседаниями и работой секции Лань Бо-чи знакомил меня с достопримечательностями города. Я любовался чудесной архитектурой китайской столицы, с восхищением осматривал дворцы и храмы, воздвигнутые много веков назад трудолюбивым и талантливым китайским народом. В один из свободных дней Лань Бо-чи повел меня в бывший летний дворец императора. По словам моего спутника, дворцовый парк раскинулся на площади в триста с лишним гектаров. Две трети этой обширной территории занимает искусственный пруд. Из земли, вынутый при его сооружении, образовалась громадная гора, на вершине которой воздвигнуто прекрасное здание — храм небса.

— Если в далекой древности подвелоумные люди создавали такие чудеса, то нетрудно себе представить, на что способен китайский народ теперь, когда он работает на себя.

В СТЕПИ ПОД ЧАНЧУНЕМ

Вскоре я собственными глазами увидел, как много может сделать освобожденный народ. Это было в Чанчуне, в городе, где построен первый в Китае автомобильный гигант. В его проектировании принимали участие наши инженеры. Советские специалисты помогали также китайским товарищам и в освоении новой техники. В нашем кузнечном и других цехах прощала производственную практику сотни рабочих, техников, инженеров, приезжавших к нам из Чанчуна. Мне хотелось скорее встретиться с ними, посмотреть, как они овладели новым делом.

Автозавод называется чанчуньским, хотя он расположен не в самом городе, а в тринадцати километрах от него. Миновав пригород Чанчуня, наша машина выехала на дорогу. Через некоторое время мы увидели в степи высокой каменной обвалок. На его вершине гордо распадаст крылья красновоздушный самолет. Это памятник доблестным советским летчикам, погибшим в 1945 году в борьбе за освобождение Китая от японских империалистов. Радостно сознавать, что наш народ помог великому китайскому брату стать хозяином своей страны, а теперь помогает ему строить новую жизнь.

— Подъезжаем к автозаводу. Все резче, все четче вырисовываются строгие линии корпусов. Даже не верится, что всего лишь три года

С нарядным годом в Китае все полнее используется могучая энергия рек. На этом снимке вы видите плотину недавно сооруженной Фудзиньской ГЭС.

назад, а июле 1955 года, здесь еще была голая степь.

И вот мы уже на заводе. Снова дружеские встречи, крепкие рукопожатия, новые знакомства. Впрочем, здесь у меня оказалось немало и старых друзей и даже земляков. Когда я шел по просторному заводскому двору, меня кто-то окликнул. Представьте мою радость, когда, обернувшись, я увидел нашего автозаводского цехового инженера Игоря Леонидовича Милославского.

— Какими судьбами? — удивился он.

— Да вот приехал посмотреть.

— Начесть с кузицы? Пошли.

Прямо скажу, кузица моя очень понравилась. Высокая, светлая, оснащенная совершенными молотами, прессами, ковочными машинами, она производила самое хорошее впечатление. На многих прессах я увидел знакомую марку «ЗИЛ» — они построены в ремонтно-механическом цехе Московского автозавода. Вид у него весьма внушительный: высота этого гиганта — 13 метров, а вес — 215 тонн. Он сооружен коллективом участка мастера Пешехонова. Литые двухколенчатые и однокоренчатые прессы, гидравлические и мощные механические наклонные прессы, тоже созданы дружным коллективом ремонтно-механического цеха нашего Московского автозавода.

С большим удовольствием я сообщил китайским кузицам, что москвичи скоро построят для них пресс мощностью в 3 500 тонн. Эта громадина высотой с четырехэтажный дом и весом в 780 тонн будет штамповать рамы для китайских грузовиков.

У молотов и нагревательных печей я то и дело встречал китайских товарищей, с которыми познакомился еще в Москве. Они улыбались и по-русски приветствовали меня:

— Здравствуйте!

Я отвечал им по-китайски:

— Ни хуо!

Около молота, производящего одагу из самых крупных деталей автомобиля — балку передней оси, — я увидел владелицу Ивана Васильевича Александра. Мой московский товарищ был занят регулировкой штампа.

— Старайся, как для Ушкалова старайся! — пошутил я.

Услышав фамилию нашего лучшего кузнеца, Иван Васильевич улыбнулся:

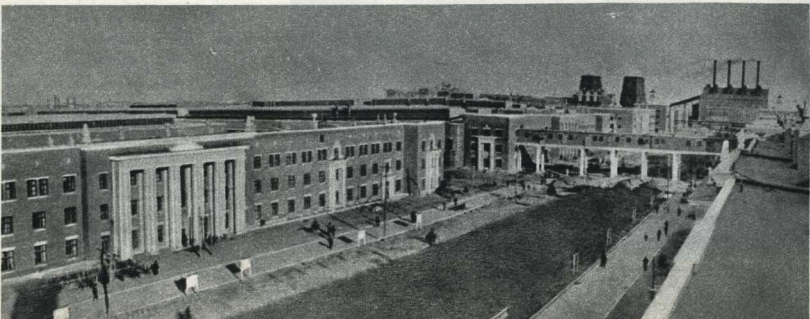
— Будут и в Чанчуне свои Ушкаловы! Я верю, научится работать по-ушкаловски и молодой кузнец Ди Нань, с которым я подружился сразу же после первого рукопожатия. Как и другие чанчуньские товарищи, этот скромный человек с умными, внимательными глазами очень пришелся мне по душе.

— Покажи нам, как ты работаешь, — попросил Ди Нань и повел меня к своей ковочной машине.

Тотчас же нас обступили рабочие. У всех были наготове блокноты и автоматические ручки, через несколько минут на листках бумаги появились нероглифы и чертежи...

Мы с Ди Нанем работали попеременно. Первым встал за ковочную машину китайский кузнец. Десю у него шло совсем неплохо, только немного медленно. А получалось это из-за лишней диньжи. Со стороны, говорят, всегда виднее — и мне вскоре стало ясно, на

Первенец китайского автомобилестроения в Чанчуне.

Вид на Шанхай.

каких именно операциях Ли Нань терчет драгоценные секунды. Ковочная машина, на которой работает Ли Нань, точно такая же, как та, которую обслуживает наша бригада. И деталь, которую предстояло штамповать, тоже была мне хорошо знакома — разжимной кулачок. Я провирал машину на холостом ходу: стук был ровный, четкий, ритмичный. Одним словом, сделала все так, как советовал мне несколько лет назад мой наставник, тузец первого класса Митхад Федорович Ушквалов.

— Когда пройдет десять минут, ты мне сообщи, — попросил я переводчика.

Лянь Бо-чи взял у одного из инженеров хронометр и засек время.

В эти незабываемые минуты я чувствовал себя так легко и свободно, будто находился не на тысячи километров от дома, а в нашей московской кузнице. Нагревательщик, подчиняясь заданному мною ритму, ловко подавал раскаленные заготовки. Из каждой мы успевали с одного нагрева сделать три детали.

Переводчик загляделся на нашу работу и забыл предупредить меня о том, что прошло уже 10 минут; он сделал это с опозданием на 16 секунд.

Лянь Бо-чи расстроился. Я, как мог, успокоил его, и он вместе с кузнецами стал считать годовые детали.

— А теперь ты попробуй,—предложил я Ди Наню.

Так попеременно мы работали с ним несколько часов. Один внимательно наблюдал за работой другого. И когда эти своеобразные соревнования окончились, Ди Нань с сожалением выключил машину. Конечно, за день не усвоишь всей кузнечной премудрости, но я чувствовал, что наша совместная работа принесла пользу моему другу. Это видно было по его довольному, умбаюющемуся лицу. И я лично тоже испытывал большое удовлетворение.

Налого запомнится мне вечер вопросов и ответов, устроенный прямо в кузнице. Вопросы попадались сложные, и, прежде чем ответить на некоторые из них, мне приходилось долго думать. Нечего греха таить, в теории я гораздо слабее разбираюсь, чем в практике. Китайские друзья интересовались всем: как мы довышем долговечность штампов, каким образом сокращаем расход металла, уменьшили заусеницы, как нашей бригаде удается штамповать по 1 350 полуосей в смену. — Немало пришлось помучиться, подбирая нужные слова, и переводчику Лянь Бо-чи. Но в наиболее затруднительных случаях его выручали китайские кузнецы, которые не так давно учились в Москве. Они подсказывали ему, и Лянь Бо-чи, торжествуя, заканчивал перевод.

Большую часть времени, проведенного в Чанчуне, я посвятил знакомству с работой кузницы. Но я также внимательно осматривал и другие цехи завода. Ведь, где мне довелось бывать, шла усиленная подготовка к пуску завода. В механических цехах осваивались производство деталей, а на главной конвейере в это время уже шла сборка автомобилей. Так как не было всех узлов и агрегатов ответственного производства, слесари собира-

ли машины из деталей, присланных из Москвы.

Счет времени шел на часы и минуты: близилась пора пусков автомобиля. К сожалению, мне не посчастливилось быть свидетелем этого знаменательного события. Но я находился уже далеко от Чанчуня, в Москве, и всей душой разделял радость китайских труженников, моих товарищей по профессии. Первые свои грузовые автомобили чанчунцы назвали «цзефан», что в переводе на русский язык означает «особолюбивые». Хочется верить, что и вслед за первым китайским автомобилем коротко именными «А3-1а», будут созданы «А3-2», «А3-3», «А3-4», подобно тому как у нас вслед за Московским автомобилем были построены по плану пятилеток автомобильные предприятия в Горьком, Ярославле, Минусине, Кутаисе. Ведь начало уже положено. И отличное начало!

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Из Чанчуня я поехал в Харбин, на шаркоподшипниковый завод, куда приехал вместе с Ли Бо-сян, главным инженером этого предприятия, еще при первой нашей встрече с ним на пекинском аэродроме. Прежде всего я, конечно, посетил ка с своим коллегами-кузнецами. Осмотрел, как они работают, потом по их просьбе, рассказал о наших методах труда. На это раз переводчика со мной не было, но мы, кузнецы, и так отлично понимали друг друга.

На одной из горизонтально-ковочных машин никак не удавалось получить доброткаственные поковки. Металл заготовки неплотно заполнял полость штампа, и поэтому шел брак. Вместе с китайскими товарищами мы докопались до причин плохой работы машины и устранили недостатки.

Быстро пролетело время в Харбине. И вот я уже снова в пути — еду в Пекин на Всекитайский съезд переводчиков производства. В Пекинском дворце физкультуры я увидел тех, кто находится в первых рядах борцов за индустриализацию страны. С волнением слушал я выступления горняков и металлургов, текстильщиков и железнодорожников.

Самым дорогим воспоминанием останется в моей памяти встреча с товарищем Мао Цзэ-дунем. Он радужно принял нашу делегацию, запросто, по-товарищески беседовал с нами, рассказывая о жизни и работе. Это была встреча носила теплый, задушевный характер.

На слете присутствовали представители рабочих многих стран, и каждый из них от всего сердца желал китайскому народу новых успехов в строительстве социализма.

Из Пекина я поехал на юг Китая — в Шанхай. И здесь я обрел много новых друзей. Среди них были кузнецы дизельного завода и завода «Тягу», сотрудники Высшего промышленного достижений, игроки лучшей городской баскетбольной команды, школьники.

Стояла пасмурная погода, шел дождь. Но ненастье не могло омрачить радость этих сердечных встреч. Через несколько дней мы находились в Ханьчжоу. Мы с группой товарищей оказались первыми гильцами гостиницы, только недавно выстроенной на берегу живописного озера Сиху...

Вскоре я побывал еще в одном городе — Нанкин. Товарищ Яо Линь-шень, о котором я упоминал в начале моего рассказа, был прав: мне очень быстро удалось отыскать авторемонтный завод. В выходной день товарищи пригласили меня посетить с ними на могилу теоретика-революционера, находящуюся недалеко от Нанкина. В скорбном молчании стояли мы у могилы, отдавая дань уважения и любви тем, чья жизнь, как гласит надпись на надгробной плите, была великой, а смерть слабой.

Все так же, как и тысяча триста лет назад, возмущается над Нанкином многогрудая багния. Все так же, как в далекие прошлые времена, замешивают глину и делают глиняные куклы храмы и дворы. Но рядом со всем этим старым кипит новая жизнь, полная творческих поисков, полная борьбы и побед.

Новому Китаю всего семь лет. Но эти семь лет сделали то, чего не сделали тысячелетия. Эти семь лет войдут в историю как начало новой эры — эры свободы и счастья китайского народа.

Студенты Нанкинского инженерного университета Чжао Цзян, Сю Чунань-синь и Юя Лин-ань готовятся к занятиям.

ДОЖДИ И ЛЮДИ

Рассказ

Я топограф. Говорят, что наша профессия очень интересная.

Но долгое время я с этим не был согласен. После окончания училища меня направили на маленькую станцию Дунхайской железной дороги, где велась изыскательная трасса новой ветки.

Приехал на место работы, я не испытал особого удовольствия: глухой полустанок, где нет ничего, кроме одной-единственной продуктовой лавки! «Разве это жизнь?» — вздыхал я часто.

Сяо Пэн, с которым мы вместе работали, сначала не обращал внимания на мое настроение, потом, не стеснясь в выражениях, пустился в критиканство и в конце концов не выдержал: «Не один ты такой жизнью живешь!»

С тех пор я предпочитал молчать.

В начале августа небо suddenly разгневалось на нас: вдруг начались проливные дожди. Здесь такие места: выдешь в дождь на дорогу — сапоги обязательно увезут и глине. Топографические работы пришлось прекратить; местных служащих, которые нам помогали, мы отпустили домой, наказав им вернуться, когда погода улучшится.

Мы остались вдвоем. Умытые звуки дождевых струй, стекающих с карниза, еще больше усиляли чувство одиночества. Сяо Пэн постоянно находил себе дело: то приедет в порядок свои записи, сделанные во время съезки, то перебивая учебник железнодорожной топографии, с которым никогда не расставался. А я? Я в мрачном настроении лежал в классе сельской школы — в это время у школьников были каникулы — и, наверно, в сотый раз перечитывал висевшие на стенах дозвонки.

Дождь лил день и ночь. Мне стало казаться, что этот дождь никогда не кончится.

— Давай-ка вернемся в управление, — сказал я как-то Сяо Пэну. Мой товарищ даже и слушать не стал:

— Мы должны начать работу, как только прояснится!

Но и в следующие дни дождь не переставал. На лютые сутки я проснулся только после полуночи. Посмотрел на часы — пора было в постель. Я умылся, надел резиновые сапоги. Сяо Пэн все не проснулся. Впервые я видел, чтобы он спал днем.

— Вставай завтракать, — разбудил я его.

Он открыл глаза и с неохотой взглянул на меня. Мне показалось,

что выражение лица у него страдальческое.

— Иди ешь, мне что-то не хочется, — сказал он, покочная головой.

«Ладно, — позордрствала я про себя, — значит, и у тебя бывает melancholia. Вот поем, а потом уговорю тебя вернуться в управление».

Позавтракав, я опять растолкал его:

— Поехали! Боюсь, что тут никогда не прояснится.

Он отрицательно качнул головой и не ответил. Я не на шутку разозлился:

— Ну, если ты не хочешь, то я один вернусь! Здесь все равно делать нечего!

— Мне что-то нездоровится, знобит, — сказал Сяо Пэн после паузы.

— Может, это и к лучшему! — буркнул я. — От такой жизни я и взял бы отпуск на годик — подлечиться!..

— Не думай, что ты даже болному позавидуеть! — резко сказал Сяо Пэн.

Я покрасился и промолчал. Потом взглянул на дорожный мешок: пакетики с аспирином и положил на стол две таблетки.

Постепенно стихало. Не зажгит огня, я свалился на кровать и задумался: сникном скоропалительно выбрал я себе профессию.. Надо было мне остановиться на медицине! Врач живет в других условиях: комфорт, питание хорошее, одежда всегда чистая. Инженерное дело звучит и потом сидеть в кабинете — и то куда лучше, чем быть топографом. Мне казалось, что товарищи, которые сумели остаться на работе в Шапхае, поступили умнее меня. Я завидовал всем им свете и был уверен, что мне особенно не повезло в жизни.

Не знаю, в котором часу я заснул.

Шум дождя и завывание ветра разбудили меня среди ночи. Мне похвдилось, что кто-то меня зовет. «Может быть, дом обвалился?» — подумал я. За последние два дня я несколько раз дождя обрушилось несколько килограммов створений. Достав из-под подушки электрический фонарик и отбросив москитную сетку, я осветил помещенье.

Рисунок Г. Храпана.

Все оказалось в порядке, только в нескольких местах через потолок просочилась вода. И вдруг совсем инек москитов я различил совсем рядом слабый стон. Прислушавшись, я понял, что это стонет Сяо Пэн.

— Что с тобой? — спросил я.

— Не могу, живот мучает.

Я захватил лампу, подошел к кровати и увидел, что глаза его закрыты, лицо серое, потное.

— Плохо мне, — сказал Сяо Пэн, заслонившись от света ладонью, — найди врача поскорее!

Я подумал про себя, что, вернись им в управление, такой неприятности не произошло бы.

— Живот болит? Да? — спросил я.

— Живот..

Он вдруг крепко сжал мою руку, на лбу его выступили крупные, как горошины, капли пота. Я взглянул на часы: было полтретьего.

— Где тут найдешь врача? — сказал я ему. — Потерпи до рассвета, утром отправим тебя в железнодорожную больницу.

— Пять! — пропостонал Сяо Пэн.

Где среди ночи найти кляпиченую войду? Надо же было Сяо Пэну свандись именно в такое время!

Мне оставалось только одеться, накинуть дождевик, взять фонарик и, раскрыв дверь, шагнуть навстречу дождю и ветру, в дужу, грязь и сыяют.

Кое-как добрался я до полустанка. У маленького станциши еще горел свет. Прильнув к стеклу, я увидел, что он сидит за маленьким столиком и что-то пишет. «У начальника станциши тоже тязная работа, — подумал я. — Другие спят под темными одеялами, а он должен в одиночестве сидеть тут да, кроме того, все время выходить встречать проходящие поезда».

Я отворил дверь.

— Есть здесь где-нибудь врач? — спросил я.

— Нет, — с сожалением в голосе ответил начальник, — нам с каждой царпанной приходится ездить в районную железнодорожную больницу.

До этой больницы отсюда пять километров. Поезджирский поезд будет только утром, а сейчас как туда доберешься?

— Может быть, у вас кияпчик найдется? — спросил я.

Начальник станциши встряхнул термос и сделал отрицательный жест.

Врача не нашел, кияпчика не до-

стал. Как теперь помочь Сю Пэну?

На обратном пути я заметил свет во дворе одного дома и решил здесь попытаться счастья. Когда я пробрался к дому, то увидел, что около порога. В стене зиял огромный пролом, через который видна была вся комната.

— Кто там? — услышала я женский голос.

Отвавшись, я вошел в комнату. На меня, подняв голову, смотрела женщина лет сорока. Я узнал тетюшку Ли. Она убрала обломки кирпича и черепицы. Тут же под самым незаметно стояла ее четырнадцатилетняя дочура Сю Фэн.

Тетюшка Ли выпрямилась и спросила, какое у меня к ней дело. Но разве я мог сказать ей сейчас, что пришел за книжточкой? Увидев беду в ее доме, я стал успокаивать хозяйку.

— Ничего! — невозмутимо ответила мне тетюшка Ли. — Перестанет дить — построим новый дом!

Потом она поинтересовалась, откуда я узнал, что дом у них обвалился. Если бы мы жили по соседству, я бы, может быть, и сообразил, что пробрался на шум, но наша школа была далеко. Пришлось сказать правду:

— Сю Пэн захворал, ему книжточка нужна.

— Что ж, воды я аквигичу, — ответила она сразу же. — Жаль только, что доктора у нас здесь нет.

— Нет есть! — поправила маленькая Сю Фэн.

— Где? — воскликнула я.

— На дамбе есть доктор. В бригаде по борьбе с наводнением. Отен там работает.

Но я не знал, где находится дамба, далеко ли до нее. А среди ночи на дороге и спросить-то у кого...

— Я вас провожу! — услышала я вдруг голос Сю Фэн, и когда взглянула на нее, то увидел, что она уже обувается.

Тетюшка Ли посмотрела на Сю Фэн с тревогой, но останавливать дочку не стала.

— Иди! — сказала тетюшка Ли. Она размыкала зонт, дала его Сю Фэн, накинула ей на плечи красную ватную куртку.

Когда мы вышли во двор, тетюшка Ли вдруг выскочила за нами, отвела Сю Фэн в сторону и сказала ей:

— Увидишь отца, смотри не проговорись, что комната обвалилась!

До дамбы было недалеко, всего полтора километра. Я раскрыл зонт, а электрический фонарик передала Сю Фэн. Она была очень довольна и прыгала как козленок.

Шла она быстро, и я изо всех сил старался поспевать за ней.

Наконец мы взобрались на дамбу. Перед нашим взором раскинулась картина сражения человека с рекой. Вода бешено наступала на дамбу, бросая в атаку полчища черных волн. Люди на дамбе старались перекрывать рев бешущей реки. Удары по сваям, крики рабочих слышались в сплошной туман.

— Как тут найдешь врача? — сказал я.

— Спросим — и все! — не задумываясь, ответила Сю Фэн.

К нам подошел человек в дождевнике и широкополый соломенной шляпе, напоминавший старика-рыболова. Подняв большой фонарь, он осветил нас.

— Да никак это ты, Сю Фэн? — удивился он.

— Папа!

— Что-нибудь дома случилось? — сдержанно вознеме, спросил дядюшка Ли.

В замешательстве Сю Фэн забыла о словах матери и ответила:

— У нас комната обвалилась.

— Мы за врачом пришли! — поспешно вставил я.

Дядюшка Ли несколько мгновений молчал, тупо уставившись на нас.

— Что с мамой? Ушибло ее? — наконец спросил он. — Ты понимаешь, я пока никак не могу вырваться!

— Да нет, мама здорова! — ответила Сю Фэн. — Мы пришли за врачом для Сю Пэна из топографического отряда.

Дядюшка Ли как будто немного успокоился. Однако сразу же в глазах его вновь промелькнула тревога:

— Как же доктора позвать? Это — дело нелегкое: один отлучается после смены, а дежурный отлучиться не может.

Но все-таки он проводил нас в соседнюю деревню, где мы размыкали дом, в котором жили врачи. Дядюшка Ли толкнул дверь.

— Здесь доктор Чжу живет.

И уже шепотом промолвил, обращаясь к нам: — Входите... Сам он остался за дверью.

Мы увидели совсем маленькую комнатку. В углу, напротив шкафа с лекарствами, на кровати сладким сном спал какой-то человек. Сю Фэн пересекла комнату и стала его тормошить:

жалуйста, пойдите скорее к нему.

Доктор повернулся, сел на край кровати и стал поспешно одеваться.

— А что с ним? — спросил он.

— Похоже на холеру! — наудачу сочинил я, все еще опасаясь, что он не согласится пойти.

Доктор встелнулся на все пуговицы, шагнул к размытым сапогам, взял зонт, приказав своему помощнику подать необходимые медикаменты.

Доктор Чжу распахнул дверь и в луче электрического фонарика сверхууса цепь падающих дождей, выскочил. Вдруг он заговорил с кем-то невидимым для меня:

— Ты почему еще здесь? Я же тебе выписал больничный лист! Почему ты не дома?

— Да я уже выздоровел!

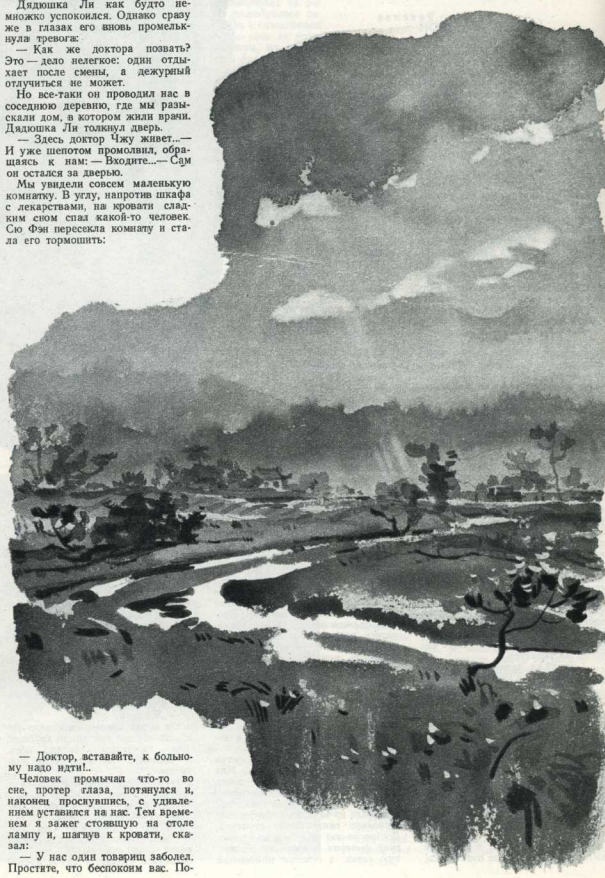
Это был голос дядюшки Ли, и тут-то я догадался, почему он не вошел в комнату вместе с нами.

— Ты меня не обманывай! — продолжал доктор. — Тебе нельзя сейчас работать под дождем.

— Воля-то с каждым часом прибывает. Как же я могу спокойно сидеть дома?

— Отправляйся домой! На дамбу и без тебя людей хватает. Я врач и...

— Ну, доктор, ты неправильно говоришь! Сейчас на дамбе каждый человек на счету...

— Доктор, вставайте, к больному надо идти!

Человек промывал что-то во сне, протер глаза, потянулся и, наконец проснувшись, с удивлением уставился на нас. Тем временем я зажег стоявшую на столе лампу и шагнул к кровати, сказал:

— У нас один товарищ заболел. Простите, что беспокою вас. По-

В ДОМИКЕ ЛУ СИНЯ

(К 75-летию со дня рождения)

Сила духа этих двух людей — забота доктора о больном и волнение дялшиха Ли за общее дело — все это перешло мне.

— Сейчас я спешу к больному, — рассердился доктор Чжу, — но мы с тобой еще поговорим, когда я вернусь.

Мы тронулись в путь. Я заметил, что дялшиха Ли некоторое время следовал за нами. Потом он бросил Сю Фэн в сторуку:

— Ты мамочко не говори, что я болен. И насчет дома не горюйте: достаем солому, замесим глины, огрентируем ее.

Мы шли тусклым по дороге. Вдруг доктор остушился и чуть не упал. Я поскокочил к нему и успел поддержать.

— Осторожно! — предупредила я его. — Я смотрю, у вас работа и дело не складывается.

— Привыкнешь — так ничего, — ворчался доктор.

Я вдруг замесился, вспоминая, как замывала недавно легкого жизни врачей.

— Что вы смеетесь? — Да есть у нас один уважаемый товарищ — придумай я, который заведет вашей профессии.

— Знаю таких, — согласился доктор. — Им кажется, что мы только и делаем, что забавляем людей от смерти или раненых в бою спалом. А на самом деле вы видите...

— Да нет, — прервал я его, — он не потому арапам заводит. Он думает, что врачи живут в комфорте, хорошо питаются, всегда в чистой одежде...

— Ну, это, конечно, было, тусклым какой-нибудь, — от души рассмеялся доктор.

К счастью, было того, и доктор не мог видеть моего смущения и растерянности.

Было уже четыре часа. Когда мы добрались до школы. Дозда прекратились.

В комнате горела лампа. На мой кровати сидела тетуха Ли, а на столе стоял чайник с кипятком.

Доктор Чжу осмотрел Сю Пэн, сделал ему укол, оставил пачку таблеток и пошел к себе на дамбу.

Тетуха Ли вбила Сю Пэнду подушку, расправила ступу от москитов, и в рудомые посмотрела на него.

— Плохо уезжать из родного-то дома, — тихо сказала она.

— Не зря уезжал! Он здесь ползу Ридине принесет! — заметила я и сам удивился, что способен сказать такие слова.

Встала мне, чтобы я как следует ухаживал за Сю Пэнду, тетуха Ли вместе с Сю Фэн отправилась домой.

Керосин в лампе выгорел, огонь делался все меньше и меньше и наконец исчез. В бумажном окне тусклым серебром брезжал рассвет.

Теперь и мне можно было удобно расстелиться на постели, заснуть. Но я долго не спал. События сегодняшней ночи протекли перед моими глазами. Тетуха Ли, дялшиха Ли, Сю Фэн, Чжу, — все они стояли передо мной. И тускновал и стыд и смущение и вместе с тем мечта, чтобы скорее наступил пыльный тускловый день.

— Сю Пэн спит, и слышны его спокойное дыхание. Мне было приятно оттого, что Сю Пэн будет скоро здоров и что моя «блезань» никогда ко мне не вернется.

Перевел с китайского
Б. ЗАНЕГИН и В. КУНИН.

С шумной Нананулу — красивой улицы Шанхая с ее бесчисленными магазинами и манящая зеленую большим парком — автобус сворачивает на другую, более тихую улицу, и затем на тускную, обсаженную акациями Далу. И вот мы в конце переулочка Шаннйилу, перед маленьким, но знаменитым в Китае кирпичным флигелем.

Дом № 9. Пять крупных иероглифов на доске из нефрита, вертикально прикреплённой к невысокой каменной ограде, говорят о том, что здесь Дом-музей Лу

Дом-музей Лу Синя в Шанхае.

Синя. Делегация советской молодежи, нынешним летом побывавшая в Китае, и первый же день по приезде в Шанхай посетила этот дом, где жил последние девять лет своей жизни великий китайский писатель.

В довольно просторной комнате — небольшой письменный стол-бюро, шкаф с детскими игрушками, у камина — плетеное кресло. На стене картина: рабочий, крестьянин и интеллигент читают книгу Лу Синя. Картину эту повесили здесь, вероятно, уже после того, как был создан музей, и она как нельзя лучше объясняет посетителю сущность творчества Лу Синя. Он был глубоко народным писателем. Его народные, публицистические статьи — все произведения, полные революционной страсти, волновали и продолжают волновать сердца читателей.

Лу Синь переехал в Шанхай из Кантона в 1927 году, после того, как Чан Кай-ши совершил контрреволюционный переворот и начал преследовать коммунистов, а другие революционные борозы. В Шанхае писатель оказался в центре борьбы прогрессивной интеллигенции за новую культуру китайского народа. На традиционных субботних обедах у Лу Синя постоянными гостями были передовые люди искусства, молодые писатели, художники, музыканты.

По деревянной лестнице поднимаемся на второй этаж. Здесь рабочий кабинет великого писателя, служивший ему и спальней.

У широкого, светлого окна — скромный письменный стол, жесткое деревянное кресло, железная кровать под белым покрывалом. В небольшом платяном шкафу — костюм писателя, халат да матерчатые туфли на различной подошве. Во всем скромность.

— Много средств Лу Синь жертвовал различным прогрессивным организациям, связанным с компартией. В его доме всегда находили материальную помощь и юные друзья — начинающие литераторы, — говорит рабочий музей.

На письменном столе в деревянном стакане — кисти, настольная лампа на металлической подставке, стопка бумаги, раскрытый книга.

Здесь Лу Синь написал цикл новелл, здесь он, знаток и большой поклонник русской литературы, трудился над переводами «Мертвых душ» Гоголя, «Русские сказки Горького, рассказов Фурманова, «Разгром» Фадеева. Лу Синь был редактором первых китайских изданий «Тихого Дона» Шолохова, «Цемента» Гладкова.

На письменном столе стоит небольшая, вырезанная из дерева бюст А. М. Горького. Это подарок Лу Синю от шанхайских гравиров. Нам рассказали, как однажды маленький сынишка Лу Синя спросил, показывая на бюст:

— Папа, это кто? — Всеми понятна ошибка мальчика. Лу Синь действительно очень похож на Горького. И его давно называют китайским Горьким. Но здесь тут, конечно, не в отношении Горькому. Прозантально духовное родство двух великих писателей — русского и китайского. Как Горький в России, Лу Синь у себя на родине в Китае — в Шанхае новатором, основоположником того подлинно народного направления в литературе, которое ныне успешно развивается в Китае.

На верхнем, третьем этаже шанхайской квартиры Лу Синя две комнаты. В одной была спальня Лу Синя, другая, самая маленькая во всем флигеле, отводилась для наиболее дорогих гостей. Им были коммунисты, скрывавшиеся от гоминданских агентов. Самому Лу Синю поэтому грозила опасность быть арестованным или тайно убитым. И все же он, бесстрашный патриот, всегда безотказно давал убежище тем, кто находился в еще большей опасности.

Комнатка на третьем этаже в доме Лу Синя на Далу связана с дорогим китайскому именем — Цюй Цю-бо. Этот видный деятель коммунистической партии, выдающийся литератор в начале тридцати годов вел революционную работу в Шанхае. Спасаясь от гоминданских агентов, он неоднократно скрывался у Лу Синя. Цюй Цю-бо был одним из тех коммунистов — близкий друзей Лу Синя, кто помогал ему еще более сблизиться с компартией, глубже понять ее идеи.

Лу Синь (фото 1933 года).

После гибели Цюй Цю-бо, казненного китайскими палачами в 1935 году, Лу Синь, будучи уже тяжело больным, составил и издал сборник произведений своего друга.

В том же флигеле, рядом с квартирой Лу Синя, размещена выставка, посвященная его жизни и деятельности.

Книги, изданные на языках многих стран мира, рукописи, фотографии наглядно подтверждают слова Ма Цзэ-дэна о том, что «Лу Синь был не только великим литератором, но и великим мыслителем и великим революционером».

На выставке экспонируется много гравюр, собранных Лу Синем. Он очень любил гравюру, считая ее большой жанром искусства. Горьчо поддерживая молодых китайских гравиров, писатель устраивал выставки их работ, пропагандировал это замечательное искусство.

Мы долго стоим у одной из фотографий Лу Синя. Она сделана в Шанхае за полторы недели до его смерти. Лу Синь сидит в кругу своих молодых друзей-художников.

Великий писатель всю жизнь, до последних своих дней, был с молодостью своей страны, творил для нее, и его прекрасные произведения вечно останутся молодыми.

М. МАРФИН

г. Шанхай.

Рабочий стол и спальня Лу Синя.

ЗВЕЗДА

Сверкает на поручнях никель,
подрагивает вагон.
Вы вместе читаете книгу,
ты и курносый — он.
Глаза его в сторону скошены.
Весь он в книге сейчас —
всей душой,
он с тобой
на сиденье кожаном
всю дорогу сидит, как большой.
Он слова твои ловит неистово.
Дальше! Дальше читай!
Что молчишь?
Как там дальше?
Конечно,
выстоял?
Победил их
Мальчиш-Кибальчиш?!
В детский сад
человеку
надо,
его жизнь еще очень проста.
Но горит
в его шапке мохнатой
замечательная

звезда.
Эти щепки
груминной округлости
не вернет он,
взрослея,
назад.
Но зато
донесет до юности
и до старости
этот взгляд.
И, конечно,
на дальнем расстоянии
он ударит он в грязь лицом.
Твердо знаю я,
кем он
не будет:
трусом,
плесенно,
подлецом.
Кто напишет о нем?
Поэты.
Где увидит его?
Везде.
Как узнают?
А вот по этой
переливающейся в сердце
звезде.

РИЦА

Пора!
И вот машина мчится
дорогой змейной,
длиннохвостой.
Она стремительно, как птица,
вылетает по горе
над Хостой.
Мы будем ехать, веселиться.
Вдали кавказские громады.
Книжит садик
Лесодида,
как фонтан, висит граниты.
Уже Абхазия.
Струится
нагретый воздух в наши лица.
Вот Гагра.
Солнечный, купальнический
блесный пляж уходит вдаль.
Фонтанами застыли пальмы —
аллея финиковых палм.
Машина к озеру стремится,
машина в горы нас ведет.
Мы катимся
и, как страннику,
листвам каждой поворот.
Как будто бы броней облиты
ущелья —
сторожа веков.
Висят лохматые самшиты,
как ключья спичных облаков.
И вот опять
на свет,
на солнце
машина вдоль реки несется...
Краса хмельная здесь хранится
и кружит голову с утра.
На озеро мы едем,
лицца

к небесам
задрал.
Леса,
взлетает огромной птицей,
во-во! пойдут по облакам.
На озеро мы едем...
Снится
дорога эта будет нам.
Сюда бы вот,
как говорится,
где есть простор для умилений,
супругам
приезжать мириться
и жить до новых примирений.
То жар, то холод —
прямо чудо!
То ветер —
шляпы б не диниться!
Шоссе неведомо откуда
к нам прямо под ноги ложится.
Как будто из гранитных слитков,
из кучи скал,
лесов и тьмы,
лу, как асфальтовую нитку,
его выматывают
мы.
Скользит машина,
но при этом
она бессильна в небо взвиться,
вьет пирует за пируетом,
и вот уже, наконец,
Сердится на
это все, друзья, не надо.
Теперь пора ему открыться,
она как тоже будет рада,
овер кавказская царца,
лу, наконец-то
Рица!
Рица!

Лев БАРЫШЕВ

КОСТЕР

Вспыхивают весело и ярко
Искры пионерского костра...
Бойко пляшет девочка-малышка,
Вьют в ладоши дружно детвора.
Выступает пионер из Праги:
Слово Фучина
звучит в Крыму.

И горит артековские флаги,
Алым светом раздвигая тьму.
Как на сердце радостно и жарко!..
Сквозь листву гадает Медведь-гора,
Даже месяц,
свесившись над парком,
Рад смотреть на праздник до утра.
г. Ялта.

ПЕРВАЯ
РАКЕТКА

В последний день Спартакиады народов СССР на пьедестале почета поднялась двадцатидвулетняя киевлянка Валерия Кузменко. Ей вручили золотую медаль чемпионки страны по теннису.

Успех молодой спортсменки не случаен. Это результат настойчивой работы над повышением своего мастерства.

...Как-то на киевском стадионе «Динамо» Лера — так звали подруги Валерию Кузменко — увидела девочек, играющих в теннис. Мальчишки летали высоко над сеткой, часто замахивались за ограду. Лера насмешливо улыбнулась: «Подумайте, игроки, по мучу ударить не могут!» Одна из девочек нахмурилась и неожиданно сказала:

— А ты попробуй сама поиграть.
Лера взяла ракетку и вдруг почувствовала себя беспомощной. Ракетка не слушалась, мячи летали в разные стороны. Теперь улыбались девочки. Это-то улыбки, видно, и заставили Кузменко в 1947 году прийти в секцию к тренеру Владимиру Максимовичу Бальве.

Спорт отнимал немало времени, которого с каждым годом у Леры становилось все меньше. Она закончила среднюю школу и поступила в Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, на филологический факультет.

Трудно сочетать учебу с серьезными занятиями спортом. И все же ее успехи росли с каждым сезоном. Два года назад Лера заняла четвертое место на первенстве СССР, а прошлым чемпионом ей удалось стать мастером спорта. В этом году на международном турнире в Москве ей хотя и досталось только третье место, после венгерок Кермаци и Эрдаши, но она оказалась впереди всех советских теннисисток. Это была как бы заплата на звание сильнейшей.

И вот Москва, Спартакиада народов СССР. Труден был путь к финалу. После нескольких побед Лера встретилась в решающей игре с чемпионкой СССР москвичкой Ларисой Преображенской. Это не первая их встреча в финале первенства. Год назад обе они оспаривали золотую медаль чемпионки. Тогда ее завоевала Лариса Преображенская.

В этом году игра сложилась иначе. Первую партию выиграла москвичка, вторую — киевлянка. И вот третья, решающая партия.

Видимо, Преображенская твердо решила выиграть. Несколько сильных ударов, и счет стал 1:0 в ее пользу. Надо во что бы то ни стало отбить мячицатку! Сильными косыми мячами Кузменко держала москвичку за задней линией, затем или укорачивала мяч, или выходила к сетке. Счет быстро рос и, наконец, стал 5:1 в пользу Кузменко. Казалось, победа близка.

И здесь произошло то же самое, что привело Леру к поражению во встречах с венгерскими спортсменками. Она перестала падать, ожидая ошибок Преображенской. А та сразу перешла в наступление. Лера проиграла вторую, третью, пятую. Счет изменился — 5:4 в ее пользу. Напряжение достигло предела... Тот, кто видел эту встречу, надолго запомнит острую борьбу двух лучших теннисисток страны. В этой последней игре победила молодая киевлянка.

На пьедестале почета Лера Кузменко стояла вместе со своими подругами Ларисой Преображенской, которая первая поздравляла ее с победой, Верой Филипповой, чьи опытные советы помогли ей спортивной росту.

Зрители приветствовали новую чемпионку не только потому, что она впервые завоевала это почетное звание. В игре Валерии Кузменко все увидели новые качества: смелость, трезвую расчетливость, крепкую мастерство.

Н. ФОМИЧЕВ

Чемпионка страны и Спартакиады
народов СССР Валерия Кузнецова.
Фото А. Мейнцева.

В августе этого года в здании Московского Государственного университета на Ленинских горах проходила Учредительное заседание Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

В один из перерывов делегаты вышли на террасу МГУ, чтобы подышать свежим воздухом, полюбоваться раскинувшимся внизу городом, на улицах и в парках которого им предстоит встретиться через год, на празднике юности мира.

фото В. Тюкнелл.

НА ВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЕ

МЫ ПРИЕДЕМ С ИНТЕРЕСНОЙ ПРОГРАММОЙ

Еще в те дни, когда в нашей стране бушевала война, представители вьетнамской молодежи смогли побывать на фестивалях в Будапеште, Берлине, Бухаресте. Во фронтовых траншеях, на заводах, расползавшихся в джунглях, они рассказывали своим товарищам об огромном энтузиазме, который царил на международных молодежных встречах.

Эти фестивали вызвали у нас очень большой интерес. Считали их нашей гордостью, которые микролюбители молодежи разных стран проводили ежедневно и ежечасно, были для нас источником энергии в борьбе за национальную независимость, за счастье вьетнамского народа, за мир.

...Война окончилась. Миллионы молодых людей, вернувшись с фронта или из лагеря на поля и заводы, занялись за великий труд национального восстановления и борьбу за объединение своего отечества.

К Варшавскому фестивалю 1955 года мы готовились в этой воздушной атмосфере. Мы уже раньше рассказывали молодежи всего мира о своих первых победах. С тех пор прошло немало времени — один год — но как далеко за эти

двенадцать месяцев шагнули мы вперед! Для встречи в Москве мы готовим интересную программу народных песен и танцев. Это результат большой творческой работы молодых артистов.

В честь фестиваля собираем национальные молодежные дружки, готовим подарки для наших зарубежных друзей, проводим спортивные соревнования, художественные конкурсы. Мы с нетерпением ждем того момента, когда в Москве встретятся с молодежью всех континентов, и надеемся, что на этой исторической встрече мы сможем увидеть наших братьев и сестер из Южного Вьетнама.

Мы уверены, что воля наших братьев с Юга, вдохновленная героической борьбой за мир и дружбу между народами, преодолет все препятствия.

Да, мы непременно установим с молодежью мира культурные и спортивные связи, расскажем друг другу о своих личных делах, обменяемся опытом в учебе и труде. Мы станем хорошими друзьями.

Тран Тронг КУАТ,
член Центрального Комитета Федерации вьетнамской молодежи.

ВСТРЕТИМСЯ В ПРАЗДНИЧНОЙ МОСКВЕ

Дорогие советские друзья! Я из города Белфаста, с Севера Ирландии.

Вы, верно, немало слышали о моей земле — Зеленом Эрине, как в старину называли свой остров Ирландию. Нет, пожалуй, человек в мире, который бы не зачитывался в известный период своей жизни романами Томаса Майн Рида, много сочувствовал романтике, мечтателя, борца за свободу. И, я уверен, каждый из вас хорошо знает о гордых, волеюлюбивых ирландских ткачах, о борьбе моего народа за независимость.

Это — прошлое Ирландии. К сожалению, о настоящем моего народа вы, возможно, знаете меньше. Поэтому мне хотелось бы рассказать вам хотя бы о том, как мы готовимся к предстоящей встрече молодежи всех стран летом будущего года в Москве.

Наши художественные театры уже приняли приглашение об участии в фестивале и сейчас готовят, и поставке ряд пьес Дюноа Томелли, Дюна

М'Донаха и Дюна Осборна.

Надеемся, что нам удастся послать на фестиваль одну из самодельных групп Олстера.

В состав делегации Северной Ирландии на фестиваль в Москве предложено включить Белфастский

М'Шейн (Бастер) с делегаткой от кубинских девушек в кулуар заседании.

Фото В. ТЮКНЕЛА.

женский хор в количестве 40 человек в тандем молодежный оркестр, состоящий из трех самодельных музыкальных групп. На празднике юности выступят деятели искусства, танцевальной педов, исполнители народных ирландских песен под аккомпанемент струнного оркестра народных инструментов.

Началась подготовка к фестивалю и среди спортсменов. Предполагается, что в Москву поедут представители Северо-Ирландской велосипедной федерации и Всеирландской ассоциации штангистов-любителей, футболисты молодежной команды Калтик, 30 гимнастов и флеклетов Ирландской физкультурной студии Белфаста и команда чемпионов по волейболу.

Ирландия примет участие в Международной выставке искусства: она представит произведения живописи, скульптуры, поэзии, литературы и фотографии. По всем видам искусства уже объявлены конкурсы и установлены премии. Те молодые люди, которые выйдут победителями, будут иметь право в течение двух лет бесплатно продолжать свое образование.

Организационный комитет должен сейчас разрешить целый ряд вопросов: как собрать средства на поездку в Москву, как лучше организовать подготовительную работу к фестивалю и координировать действия всех молодежных групп, желающих принять участие в празднике.

Мы постараемся успешно справиться со своими задачами, чтобы показать нашим сверстникам из других стран мира культурные богатства ирландской молодежи, ее стремление к дружбе с вами.

Предстоящий фестиваль будет очень многолюдным, ибо к ирландской делегации, как, впрочем, и ко

Посланцы молодежи Вьетнама Ле Ти Су и Тран Тронг Куат в зале заседаний Международного подготовительного комитета.

всякой иной, захотят присоединиться и отдельные туристы, жаждущие побывать в России и своими глазами увидеть ваши достижения, дорогие друзья. Мне как ирландцу было бы приятно, если бы кто-нибудь из вас захотел со мной встретиться с русскими, но мы чувствуем и вы искреннюю симпатию хотя бы потому, что видим в вас некоторые родственные нам, ирландские, черты духа: прямоту, открытость характера, умение радоваться и — главное! — свободолобие. Я ду-

маю, мы лучше узнаем друг друга и найдем общий язык не только с вами, дорогие советские друзья, но и со всеми молодыми людьми нашей планеты, которым дорого мир, свобода и независимость.

Встретимся в Москве фестивалей!

М'ШЕЙН (Бастер),
член Белфастского подготовительного комитета по проведению фестивалей.

Северная Ирландия.

МОЛОДЕЖЬ КАНАДЫ НЕ ОСТАНЕТСЯ В СТОРОНЕ

Когда корреспондент журнала «Смена» попросил меня рассказать о том, как канадская молодежь готовится к предстоящему празднику юности, я задумался: слишком много и в то же время мало можно об этом сообщить. Парадокс! О, нет! Делать я нас немало, но, к сожалению, наши молодежные организации пока разобщены, обмена опытом не существует, поэтому я просто не вижу возможности дать глубокую и исчерпывающую информацию.

Мы постараемся добиться, чтобы Канада послала на Московский фестиваль сильную и представительную делегацию. Делегаты, возвратившись с V фестиваля, происходящего в Варшаве, приложит максимум усилий к тому, чтобы кандидаты ознакомились с результатами встречи молодежи разных стран. Они устроятся и будут представлять канадских городов и провинций. Затем участники Варшавского фестиваля посетят руководителей канадских молодежных церковных групп, студенческих и других организаций и проинформированы им о том, что

они видели в Варшаве, а также о предстоящем V Всемирном фестивале. В целях популяризации идей дружбы и взаимопонимания между молодежью всех стран демонстрировался документальный фильм о Варшавском фестивале. В Окланде был проведен местный молодежный фестиваль, на котором юноши и девушки заявили о своей решимости бороться за мир.

В октябре — ноябре этого года в Торонто будет созвана специальная конференция, на которой предложится создать общеканадский комитет по подготовке к фестивалю, выработать обращение ко всей канадской молодежи, а затем это обращение широко распространить по стране.

Вся эта подготовительная работа, конечно, принесет свои плоды. Канадская молодежь будет подготовлена к фестивалю и внесет свой вклад в дело мира во всем мире.

ФЛОЙД ВЕЛЛИНГТОН,
Канадская молодежная лига дружбы.
Торонто.

Наши интервью

Вторая экспедиция в Антарктику

Е. ТОЛСТИКОВ,

Герой Советского Союза, заместитель начальника Главного управления Северного морского пути

Пятого января 1956 года в историю географической науки была вписана новая замечательная страница. Комплексная антарктическая экспедиция Академии наук СССР после успешного плавания по восточному морю, Атлантического и Индийского океанов, преодолел кольцо морских льдов, благополучно достигла берегов шестого материка. На Антарктическом побережье были созданы две новые научные станции — «Мирный» и «Игarka», а на огромных водных просторах Антарктики проведены обширные океанографические исследования.

В октябре этого года из Ленинградского порта снова выйдут в далекое плавание дизель-электроходы «Обя» и «Лена». Они доставят в Мирный новый отряд научных работников, оборудование, запас продовольствия, одежда. В числе грузов разобные домики и различные материалы. Они предназначены для строительства двух новых советских научных баз в Антарктике. Первая — «Восток» — будет сооружена в районе Южного геомагнитного полюса, вторая — «Совская» — у полюса относительной недоступности, в районе, наиболее удаленном от береговой линии Антарктического материка, где еще не ступала нога человека. Предполагается создать и еще одну промежуточную станцию, которая получит название «Комсомольская».

Как же будет осуществляться строительство новых научных баз? Из Мирного по направлению к полюсу относительной недоступности

сти выйдут сено-тракторные поезды, а работу включится авиация. Будут оборудованы передовые лаборатории, которые необходимы для проведения научных исследований в пути. В частности, намечено измерить тошноту ледяного покрова Антарктиды, чтобы окончательно ответить на вопрос, представляет ли Антарктида материк или, как утверждают некоторые исследователи, архипелаг, то есть группу островов.

В соответствии с программой Международного геофизического года развернутся наблюдения магнитных и сейсмических явлений, полярных сияний, космических лучей и других физических процессов. Для этого намечается применять новейшие приборы советской конструкции. Например, портативные приборы-аппараты можно будет производить каждые пять минут автоматическую фотосъемку северных сияний.

Специальный отряд предполагается создать для аэрофото съемки района работ экспедиции. Общие исследования намечены в антарктических водах, главным образом к западу от Мирного, примерно до 20-го градуса восточной долготы. «Обя» совершит плавание по прилегающей к Антарктике части Индийского океана.

Свою работу в Антарктике советские ученые — как и ранее, будут вести в содружестве с зарубежными исследователями. К началу Международного геофизического года — к 1 июля 1957 года — предполагается создать в районе Южного полюса более двадцати научных станций различных типов. Это еще не бывавшее международное содружество ученых ускорит завоевание и освоение Антарктиды.

Полупроводниковая металлургия

Д. ПЕТРОВ,

доктор технических наук, заведующий лабораторией Института металлургии Академии наук СССР

Широко известны удивительные свойства полупроводниковых материалов, открывших человечеству путь к мирной, совершенной технике. С помощью полупроводниковых элементов — германия,

кремния и других — можно, не прибегая к сложной аппаратуре, превратить тепловую, солнечную и атомную энергию в электрическую, преобразовать переменный ток в постоянный. Микроско-

пические кристаллики этих веществ способны заменить сложные вакуумные устройства в телевизорах, радиоприемнике, в конструкциях электронных счетных машин и других радиотехнических приборах.

Однако не все знают о том, какую большую работу необходимо проделать для того, чтобы полупроводники смогли проявить свои ценные свойства. Кристаллик германия способен заменить вакуумную лампу лишь в том случае, если он идеально чист, то есть свободен от примесей других элементов. А понастоящему чистым германий считается, когда содержание посторонних примесей в нем составляет не более одного атома на миллиард атомов основного вещества.

Выпрямитель из такого кристалла работает при напряжении в 500 вольт. Но стоит увеличить количество посторонних элементов до 100 атомов на миллиард атомов основного вещества, как электрические свойства германия резко изменятся. Допустимое рабочее напряжение на выпрямителе снизится до 8 вольт! Отсюда видно, какое значение в технике имеет чистота материала.

Ученые усиленно ищут новые способы получения идеально чи-

стых полупроводников. Этими проблемами занимаются и коллективы нашей лаборатории.

Вот перед нами небольшие голубовато-синие, серебристые слитки, по внешнему виду напоминающие тщательно отчищенные стержни. Это монокристаллы полупроводников. Минимум шероховатости и ювелирной точности, чтобы их получить.

Сначала исходный материал, представляющий собой химическое соединение кремния, подвергается многократной дистилляции. Затем полупроводник восстанавливают, то есть освобождают от связанного с ним химического элемента. Следующая стадия — кристаллизация, благодаря которой материал дополнительно очищается от посторонних примесей. Стержень кремния, заключенный в особый прибор — «печь» из стали, — подвергается так называемой зонной перекристаллизации. Электрический нагреватель охватывает его раскалившим кольцом и расплавляет в узкой зоне. По мере передвижения нагревателя, а вместе с ним расплавленной зоны структура полупроводника меняется: все посторонние примеси постепенно как бы отодвигаются к концу стержня. В результате получается материал высокой чистоты, остается только отрезать конец стержня,

где скопились «изгнанные» посторонние примеси.

Кремний очищен, однако если вы посмотрите в микроскоп на этот слиток, то заметите, что он состоит из большого количества кристаллических зерен. Границы между этими зернами создадут помехи для происходящих в полупроводнике электронных процессов. Чтобы не было этого помех, нужно получить единый, цельный кристалл (монокристалл). Процесс его выращивания производится в особой установке, напоминающей по форме цилиндрическую печь. Здесь в глубоком вакууме кремний еще раз расплавляется. Особое устройство автоматически вытягивает из расплава стержень — монокристалл, непрерывно вырастающий.

Для того, чтобы исследовать

мог наблюдать за этим процессом, в установке сделано смотровое окошко — «глазок». Через несколько часов тигель пустует: кристалл вырос, надо его выключить так. Из охлажденной установки вынимает еще один серебристый стержень — чистый монокристалл полупроводника.

Чтобы не было этого количества труда требуют полупроводниковая металлургия — новая отрасль экспериментальной науки, которая не только исследует существующие материалы, но и создает их.

Как известная периодическая система Д. И. Менделеева насчитывает всего около 10 полупроводниковых элементов. Однако ученые, соединяя различные химические элементы, добывают новые материалы полупроводниковыми свойствами. Так, например, соединения в определенных пропорциях сурьмы с алюминием, кремния с полупроводниковым материалом, сурьмы с оловом, образуют температуру до 300 градусов и выше, не изменяя при этом заметно свои характеристики.

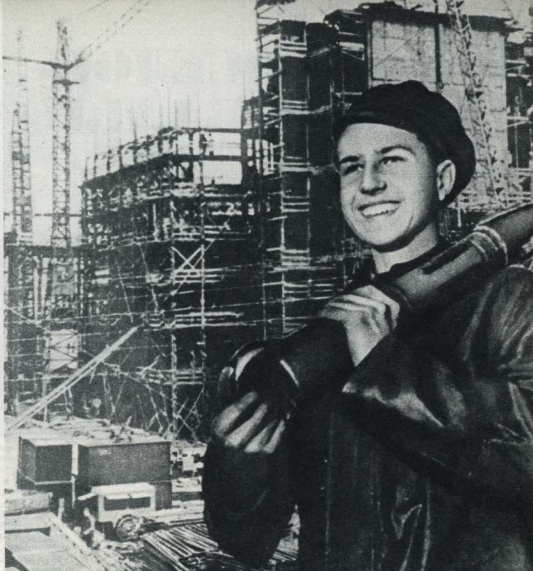
Высокая рабочая температура открывает широкие перспективы для применения нового материала. Так, например, металлические обшивки реактивных самолетов во время полета на сверхзвуковых скоростях очень сильно нагреваются. Поэтому для средств связи, установленных на самолете, нужны материалы, обладающие большой терлостойкостью. Таким материалом и является новое химическое соединение.

Новый полупроводниковый материал можно будет с успехом использовать и при запуске искусственных спутников. Батареи из полупроводниковых элементов позволят питать энергию Солнца, превращенной в электрическую энергию, автоматические сигнальные приборы, установленные на спутнике.

Ученым удалось получить и другие не менее ценные полупроводниковые материалы. Таково, например, соединение индия с сурьмой. Монокристаллы его, примененные в качестве фотозумеритов, превращают в электрический ток инфракрасные лучи, невидимые человеческим глазом, но ощущаемые в виде тепла. Прибор, снабженный таким фотозумеритом, способен улавливать в темноте на большом расстоянии излучение, испускаемое таким телом или предметом, и сообщать о нем.

Создание полупроводниковых веществ, наука обогащает природу и обогащает современную технику.

МОЛОДАЯ ГЕРМАНИЯ

В Берлине и Дрездене, в Лейпциге и Кари-Маркс-Штарте — повсюду можно услышать слова: «Юнгес Дейчланд» — «Молодая Германия». Так любознательно называют свою республику трудящиеся ГДР.

Германская Демократическая Республика еще очень молода: 7 октября ей исполнится семь лет. Но за это короткое время ее народ добился серьезных успехов, увеличил производительности, связанные с развитием и укреплением немецкого демократического государства.

С братской помощью народов социалистического лагеря трудящиеся ГДР успешно справились с заданиями своего первого пятилетнего плана и присутствии и выполнении второй пятилетки. В республике созданы новые отрасли тяжелой промышленности, устраиваются диспропорции в развитии экономики, вызванные искусственными расколом Германии.

Эти успехи являются плодами созидательного труда населения ГДР, воодушевленного волеями идей демократии и социализма. Трудящиеся Молодой Германии знают, что они работают во имя мира и будущего своей родины, а значит, и своего будущего, ибо судьба ГДР — это судьба каждого немецкого гражданина. Они знают, что работа о человеко-трудящихся определяет все мероприятия правительства. Достаточно сказать, что уже сейчас реальная заработная плата рабочих и служащих ГДР выше, чем это когда-либо имело место в Германии.

Молодая Германия вся в лесах новостроек. Растут заводы, шахты, электростанции, стадионы, жилые дома. Но нет среди этих новостроек ни танкодромов, ни авиационных баз, ни подземных складов, начиненных боеприпасами. — всего того, чем в изобилии пестрит карта Западной Германии.

ГДР — миролюбивое государство, твердо и последовательно отстаивающее интересы немецкого народа, который стремится к дружбе и сотрудничеству со всеми народами земли. Борьба трудящихся Германской Демократической Республики за мир и демократию имеет очень большое значение для будущего всего немецкого народа, ибо ГДР — это подлинный бастион мира и оплот всего немецкого народа в борьбе за единую, миролюбивую, демократическую Германию.

На снимке, который вы видите перед собой, изображен молодой рабочий с отбойным молотком на плече. А слева — леса одной из новостроек ГДР — электростанции в Траутендорфе, которую называют «молочной стеной». Она является почти исключительно силами юношей и девушек. Смелоюся юноша на фоне строительства — это символ Молодой Германии, миролюбивого, демократического государства.

НОВЫЕ СТИХИ ЛУИСА ФЮРНБЕРГА

ЕЩЕ ОДНА ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Много о весне сложили песни,
а мне все кажется, мало,
и чем станюлюще я старше,
тем больше люблю весну.

Предвесеннее утро в дымке тумана.
Деревья стоят без сорочек
и тянут к солнцу озябшие руки.
Но уже ощущается близость почтен
на ветках каштана.

Уж и вижу, как листья пробьются,
как земля — в лепестках —
станет белой и розовой.
И заплывут стрелками,
и птицы вернутся,
и засвистит торжественно
в роще березовой.

Предвесеннее утро полно ожидания
аромата цветов
и пчелиного — в поле — жужжания,
соловья и жасмина.

О, утро холодное злост!
Ты таишь в себе жар
неизбежного лета,
ты сверкаешь в себе
хрустальные просторы,
и сверкают озер,
и зеленые горы.
Вот я вижу, я вижу,
как, травинку кусая,
на дворе прохладит
девочка босая,
слышу запахи сена и меда...
...Еще холод. Еще на дворе непогода,
еще мерзнут, дрожат

Луис Фюрнберг — известный немецкий поэт. Человек яркой революционной биографии, Фюрнберг сыграл широкую роль не только как писатель, но и как активный борец за мир, прогресс и свободу. Это время пот жил и работал в Праге. Его литературными соратниками были такие люди, как Йозеф Фучик и знаменитый немецкий писатель-публицист Эгон Эрнст Кипп. Вместе с эмигрировавшим в Чехословакию Кудой (Куртом Баргеном) Фюрнберг организовывал революционные агитбригады, выпускал антифашистскую литературу, которую подпольными тайно перевозили в Германию. Когда гитлеровцы вторглись в Прагу, они арестовали Фюрнберга и подвергли пыткам. Поэт был тяжело ранен, навсегда лишился слуха, но мужество не изменило ему. Много стихов Фюрнберга посвящено нашей стране, Ленину, Коммунистической партии Советского Союза, освободительному подвигу Советской Армии.

Сейчас Луис Фюрнберг живет в Германской Демократической Республике, в Веймаре — городе Тете и Шаллера. Здесь он возглавляет отделение Союза немецких писателей. Недавно журнал «Нейе дейче Литератур» напечатал большую подборку его новых стихов, некоторые из которых мы помещаем в этом номере.

обнаженные руки каштана...

Но встает уже,
видный сквозоз серость тумана,
с белизною и голубизною,
длинит слезы и оной,
детский подснеж.

ГОРОДСКИЕ ДЕТИ

В кварталах городов играют дети,
и осли совершается чудес:
вокальный скверик превратился в лес,
где сосны выдур раскидывают ветви.

На каменном дворе ключок газона
утнулася в скучный каменный забор.
Но для детей он полевой простор,
и коты вылетают из загона.

Вот старшая сестра неутомимо
баюкает братишку целый день.
Бросает деревцо съкнутую тельняшку...
...Сады, сады для них растут дольжыны
мы!

ВОСПОМИНАНИЕ

Мы не замерзали в стуже непогоды,
не задохнулись в вихре ледяном
а в те свершрные, безрадостные годы,
что кажутся легендой или сном.

Но грели нас не щубы и не вата,
они крошки угля не было у нас
(земля была в ту пору скуповата), —
пример друзей нас обогрел и спас.

Там, на Востоке, заревом горчичным
аствовал всепобеждающий рассвет.
Кто был с глазами, становился зрячим,
и кто был зрячим, видел этот свет.

Великое так совершалось дело,
мрак побеждала, утверждала сны,
растло хлеб и жернова вертело,
и нежить изгоняло из сыпяти.

Пусть была выгои горчичник от гнева,
метель вокруг стояла и мелд... —
нам слышался вселивие шапелы,
над нами май знонил в колокола.

Перевел с немецкого
Лев ГИЗБУРГ.

У НОВОСЕЛОВ МАЙ-БАЛЬКА

Фото
А. Удьяна.

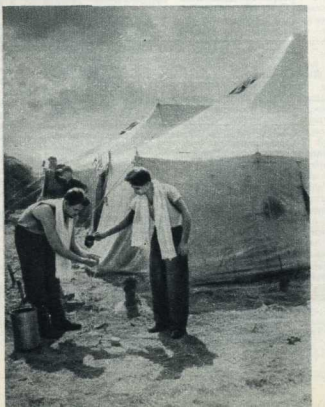
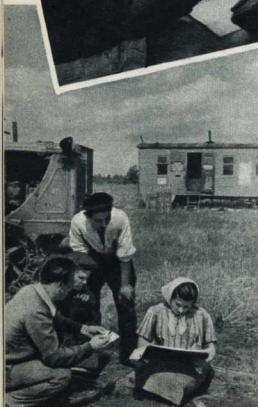
Среди помещенных здесь снимков нет одного, — на котором была бы запечатлена степь, какой открылась она новоселам в марте 1954 года. Но картину тех дней может легко восстановить в памяти любой старожил Май-Балька. Спросите об этом хотя бы Раю Корчагину — она сюда приехала с первым зыбеном.

Равнина, равнина и равнина — ни леса, ни кургана... Такой увидела тогда девушка степь. В неглубокой котловине, заросшей побуревшим тростником, кое-где плескалась соленая вода. Местные жители, казени-скотоводы, называли эту котловину озером Май-Бальк. Они рассказывали, что когда-то озеро было пресноводным и в нем водилось видимо-невидимо рыбы, рыбы жирной, что по-казакски означает

«бальк». Но, по всей видимости, это было давно. А в ту пору, когда сюда пришла новоселья, покой степного озера не нарушали ни всплески резвящейся рыбы, ни крики птичьих стай. Дремотная тишина стояла у Май-Балька.

Но с того холодного мартовского утра, когда на берегу озера появилась первая палатка, все вокруг перевернулось. Два мощных трактора с необычными плугами протынули по степи грейдер, и помчались по этому грейдеру машины, доставляя в Май-Бальк все новые и новые отряды добровольцев. Вслед за ними танулись тракторы, автомашины, полевые вагончики, кухни, циты сборных домов. За озером день и ночь гудели моторы, полыхали зарницы костров: молодежь патристы поднимали щепку. Каменные разливы пахоты с каждым

На снимках: слева — учетчик Чуланов сообщает директору совхоза: «За день номбайе Виталия Сизина убрал хлеб с площади в двадцать гектаров». Внизу: 1. Члены радиоклуба степной газеты за выпуском очередного номера. Через несколько минут новоселья узнают о последних трудовых новостях. 2. Горьковчане В. Князьмов и П. Лапшин приехали помочь новоселье убрать урожай. Сейчас они торопятся на работу. 3. Петруше догадываются, о чем говорит номбай нер Корчагина и шуточный Абрамова в этот предвечерний час. Среди пахучих степных трав и цветов они мечтают о будущем.

днем растекались все дальше и дальше...

С тех пор прошло всего два с половиной года. А на берегах Май-Балыка уже вырос — видный издалека — поселок рабочих Булевского зерносовхоза. В нем около сотни жилых домов, мастерские, склады, столовая, баня, магазин, школа, больничка, клуб, — словом, все, что необходимо людям для того, чтобы они жили удобно, культурно, богато.

Май-Балык — один из четырехсот двадцати пяти новых поселков, возникших за последнее время на целине. Жизнь здесь давно вошла в свою обычную колею. Поселок просыпается с первыми лучами солнца, разбуженный криками петухов с Южной улицы, где живут застройщики. Потом улицы оглашаются детским смехом — это юные новоселы спешат в школу. Говорит радио... Аerialы извещают рабочих совхоза о том, что сегодня в клубе демонстрируется новый кинофильм...

В этом году целинники вырастили небывалый урожай. Со всех двадцати четырех тысяч гектаров они получили в среднем по сто пудов пшеницы, а на полях некоторых бригад — темки, как Николая Демидова и Василия Пивилицева, — по сто двадцать пудов и больше. В страдную пору сюда приехали комсомольцы из Горьковской области, с Украины, чтобы помочь булевцам во время и без потерь убрать урожай. Один из них встал у штурвалов комбайнов, другие работали шоферами, третья очищала и сортировала зерно на токах. В счет казахского миллиарда пудов хлеба труженики Булевского зерносовхоза сдали государству два миллиона пудов отборной пшеницы! Но вот урожай убран. Казахстан репортовал Родине о выполнении взятых обязательств. Опустели токи, зато полны хлебом амбары, склады, глубинки, элеваторы. С полевых станков на центральную усадьбу, к Май-Балыку, возвращаются новоселы и вместе с ними комсомольцы, приехавшие оказать им помощь на вре-

Принимай, Родина, хлеб нового урожая!

мя уборочных работ. И кому-то уж не хочется расставаться. В один из дней, в час, когда на степь опускались летние сумерки, мне довелось встретить девушку и юношу. Они шли, взявшись за руки, тихо беседуя о чем-то своем. И мне подумалось тогда: может быть, съездив ненадолго к себе домой, в Павлов-на-Оке, этот юноша вернется сюда, и вскоре тут будет еще одна семья. И на улице Южной вырастет еще один домик...

Кто знает. Во всяком случае, пожелаем счастья и сегодняшним и завтрашним новоселам!..

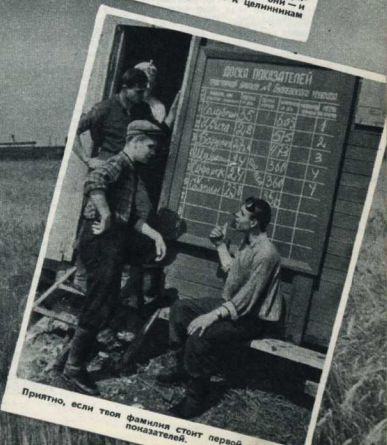
С. КРУТИЛИН

Северный Казахстан, совхоз «Булевский».

Знатный комбайнер Рашиновской МТС А. И. Гребенюк уступил свое место за штурвалом воспитаннику Путильского Революционного училища Ивану Услюю. Пусть управляют стальными кораблями. Оба они — комбайнер и его помощник — приехали и целинникам с Украины.

— Сегодня придется, товарищ, начать с этого участка, — говорит учитель Яков Чуланов комбайнеру Виталию Сидорову.

Принято, если твоя фамилия стоит первой в показателях.

О МАЛОИЗВЕСТНОСТИ ЛИТЕРАТОРА

Для советской молодежи дорого творческое наследие замечательного русского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова. Его романы и повести, особенно такие широко известные произведения, как «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев», находятся в ряду лучших образцов русской прозы, составляющих гордость советской социалистической культуры.

Сегодня мы помещаем здесь отрывки из малоизвестного выступления В. Я. Шишкова на вечере встречи с начинающими литераторами в Кабинете работы автора Профиздата в 1934 году, а также несколько его неопубликованных писем, любезно предоставленных редакции женой писателя К. М. Шишковой.

Материалы эти интересны не только тем, что в них с какой-то новой стороны раскрывается образ писателя, но, несомненно, принесут также пользу многим молодым литераторам, ищущим свой творческий путь.

Мне хочется начать с того, что в наше время замечательно «обострены» начинающие писатели по сравнению с тем, как были «обострены» мы, когда начинали писать. С нами никто не занимался, нас учили писать так, как учат слепых ценят плавать: бросят в воду, и если выплывет,— значит, будет жить, нет — туда и дорога!

Почему я стал писателем, да еще в таком позднем возрасте?

Тут, несомненно, решающую роль сыграла врожденная склонность, то есть инстинкт, заложенный природой. Меня тянуло к этой деятельности, очень трудной, весьма ответственной.

Во мне влостно горюило неборимое влечение к писательству.

Писателем я стал поздно, но устремления к писательству у меня с юных лет, даже с детства. Лет восьми я написал какую-то повесть, совершенно потерял и забыл о ней. Когда мне было лет 18—20, я окончил техническое среднее училище, поехал на практику по своей специальности, на работе завел записную книжку, куда заносил летучие фразы, выражения, записывал, сам не зная, для чего,— объясняя эти любознательностью. Прошло еще 20 лет, и за весь этот период я не мечтал быть писателем. В то время на писателя смотрели как на человека, стоящего на высочайшей горе, на высоте, совершенно недосягаемой. Надо сказать, писателя для меня, провинциала,— тогда работал в Сибири—было необычайным, ослепительным счастьем. Как-то на изысканиях по исследованию порогов реки Енисей—я был везущим партии—рабочий обратил мое внимание на какую-то тропочку, лавящуюся в воде у противоположного берега. Посмотрев я в бинокль и увидел утолщения. Поднялся тревога, Побежал в деревню, заявил сельским властям. Начался хлопот, составление протокола,— словом, завялась история.

Эта история и натолкнула меня на мысль написать ее. Получилось нечто вроде рассказа.

С этого началось мое писание. Как будто внешняя причина, но что-то вдруг вспыхнуло во мне тогда—и пошло и пошло. Вслед за рассказом написал я для местной газеты несколько очерков, затем сделал еще два—три рассказа, которые, однако, никому не показывал.

В Томске жил в то время Г. Н. Потанин, большой ученый, отседывая долгое время по царскому производству в Петропавловской крепости и в Саялобуре. Старик 80 лет, Потанин пользовался по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России. Он узнал, что я пишу, и просил прочесть что-нибудь. Я прочел рассказ «Валька-

Вячеслав Шишков. Малоизвестный портрет.

Хлюст». Прослушав рассказ, Потанин сказал мне, что надо по-настоящему начать работать, так как у меня неплохо выходит, посоветовал связаться со столичными, да письмо к Короленко. В 1913 году я послал рассказ «Томолинск» в журнал «Звезда». Рассказ был напечатан. Получил телеграмму от издателя Миролюбова с просьбой написать рассказ для его журнала, затем, переехав в Петербург по своему ведомству (министерство путей сообщения), я до революции работал там. Познакомился с Горьким, Ремизовым, Пришвиным. Они мне помогли советом. Горькому я представил «Тайгу». Его роман одобрил, и «Тайга» печаталась в его журнале «Летопись». Так началась моя литературная деятельность.

Теперь—по адресу молодых писателей. Хотелось стать писателем, надо иметь в виду,

что эта деятельность необычайно трудная, тяжелая и ответственная. Я уверю, что начинающие писатели собираются идти по этой дороге сознательно, с чувством ответственности перед рабочим классом, который дает им возможностьступить на этот путь. Отступать с тех позиций, которые займет писатель, будет уже трудно. Особенно это будет трудно тогда, когда творческая волна вынесет кого-нибудь на поверхность. Тогда держаться надо крепко: на этой вершине может закружиться голова, и сорваться с нее будет для писателя большой трагедией.

Но о вершинах мечтать пока не стоит. Будем говорить о хороших равнинных местах. Однако для того, чтобы выйти на эти места, нужно много учиться. Прежде всего нужно иметь общее образование и довольно основательное. У писателя должны быть не глаза, а зоркие очи. Он должен иметь не только хорошо освоенный фронт, но и великолепно защищенный тыл. Иначе он будет сметен временем и изгнать вперед искусство. Писатель должен видеть то, что впереди. У него должны быть всевидящие глаза, вооруженные знанием и глядящие вперед, а также ясно осознающие прошлое. Он должен знать историю, а еще у него не будет ли широкого кругозора, ни исторической перспектив и он не сумеет уяснить и того, что совершается перед его глазами, а главное, будущего. Писатель должен знать естественные науки: биологию, зоологию, ботанику и т. д. Он должен, конечно, быть знаком с теорией Дарвина. Он обязан знать геологию, историю нашей планеты, ее рождение, ее жизнь, а также астрономию,— это все придает дальнего масштаба,—он должен иметь понятие о мире вообще.

И вот когда молодой писатель будет обладать этими знаниями, ему нужно выработать в себе необходимую способность—наблюдательность, умение видеть вещь. К писателю должно быть «привыкнуто». Он должен глубоко видеть жизнь, вскрыть ее сущность. Он должен быть особо восприимчивым и видеть вещь по-своему, не так, как все видит. Флорбер учил Моппаса: «Смотри на дерево, на камень, на

Страница рукописи романа «Угрюм-река». На полях — портретные зарисовки персонажей, сделанные рукой автора.

Потому что у него на ногах не ногти, а котти: простыми ножницами не отстрижешь. Затем дальше: «Хрипел Акульке». Почему хрипел? Потому что он весь согузас, стрижет ногти с большим усилием, он не может говорить, у него стеснено дыхание, он не говорит, а хрипит.

О позе как будто ничего не сказано, но она ясна из самих слов. Эту позу можно сразу же представить себе.

Другая фраза: «Захлюпала, захлюпала бабы, руски затряслись». Тут пять слов, но по-за бабы достучаются ясно. Это и есть один из способов изображения поэм: не просто описать ее, а дать почувствовать каким-то другим, необычным способом.

Несколько слов о том, как строятся бытовые вещи. Вот роман «Тайга». Как-то в Сибири прочел я в одной газете маленькую судебную заметку о том, что в одном селе крестьяне поймали несколько бродяг и принесли их за заднюю дверь зарезанных бродяг двух коров из стада. Совершенно невинных бродяг крестьяне замучили и расстреляли. Перед моими глазами стоял этот ужасный факт, тревожил меня, и я должен был так или иначе на него отозваться. Я и написал рассказ.

Обыкновенный рассказ получился, каких тысяч. Пыла я в челночке по бумажному полю и думал, что плыву по большой реке, что огромной темой овладел, что река моя впадает в океан. А когда пришел рассказ к концу, вошла в сознание другая, высшая идея: я увидел, что моя воображаемая речка маленькая речонка оказалась. Тогда же это я перестроил, все события переценил, нашел социальные корни события, выяснил всю обстановку — словом, проделал огромную работу — тогда мой челн поплыл по плавающей воде — вот и вышла «Тайга». Хорошо, что деловая идея вылетела в голову, а то получилась бы посредственный, ничего не значащий рассказ.

Относительно работы с планом, я пишу большую вещь — с планом или без? Я пробовал и так и сик. Когда начал писать «Угрюмку», составил план. Сначала сделала общую схему, поставил только вехи; отправную точку, средние по этапам и главную, куда я должен прийти. Потом этот план разбил на четыре части, части разбил на главы и каждую главу начал обрабатывать. Начал схематически выкладывать содержание. Казалось, что роман готов. Садись — пиши. Можно даже с любой главы начинать работу с планом, так как как уже известно, кто куда должен пойти, с кем встретится. Вот начал я писать. И пока писал первые главы, пока люди были бумажные, не живые, а дергал их за ниточки. Но когда герои стали обрастать мясом, нервами, кожей в них заходила кровь, явился разум и люди ожили, я в один прекрасный день оказался окруженный ими. Живые люди стали бороться с планом. Я требую, чтобы такой-то шел в такую-то главу, а он не хочет, упирается.

С одним человеком еще можно справиться, но когда их целая сотня, справиться уже трудно: они выставляют свои требования, они говорят: «Жить будет так, как хотим, и в черту плаги, мы живые люди, а ты кто такой?» И говорят, что я автор, а мне отвечают: «Наплевать, ты ты автор. Ты, вот, что,— ты только описывай, как мы будем жить». Начинается спор у автора с его героями. Приходится удамывать их, заискивать, то или иное положение — куда ты не логика героев и куда стремится логика автора. В этом столкновении интересов рождается истина, и оказывается, все пошло по-иному, по равнодействующей между замыслом автора и желанием героев.

Итак, как же работать: с планом или без плана? Тут дело вкуса и дело сложности работы. Исторический роман без плана будет не успешен. В небольшом рассказе плана может не быть. Повесть большую надо писать по плану. Какой-то дисциплины все же должна проявлять код работы, должна все направлять. В общем, я лично стою за работу с предварительным планом, но повторю, что в процессе писания план иногда может остаться за порогом вымысла.

И еще запомните, товарищи. В каждом художественном произведении должна быть основная идея, а потом уже произведение. В нашем сознании возникает сначала та или иная идея, она облекается в понятную форму, и эта форма, в свою очередь, уже рождает произведение. И так: сначала идея, затем уже художественная вещь. Идея, как правило, должна ей предшествовать.

Я как-то начал писать рассказ об алтайских шаманах, об отношении к ним населения, потом, ваял. Мне рассказали на Алтае, что священник внушал крестьянам, что для того, чтобы шаман перестал являться с нечистью, его нужно обезуметь, отобрать у него колдовскую шубу, бубен, шапку и обратиться в христианина. Это было исполнено пылыми крестьянами, которые не только все у него отоборали, но и убили его и бросили в реку. Эта история произошла лет 60 тому назад. Я начал писать рассказ. Рассказ вышел посредственный. Я ничто веского не сказал читателям. Я начал переставлять фразы, слова. Не вытаскиваются. Не живет рассказ, ничего не говорит. Тогда я вспомнил, какая же идея заложена в моем рассказе. Оказалось, что идея в нем нет. Тогда я пошел в основу вещи, которую начал писать заново, определенную идею — и вышла повесть. И зазвучала она по-другому. Совершенно другой диапазон. И горизонты расширились, и получились в повесть значительный замысел и глубина.

Вот роль идеи в произведении. Содержание и форма должны быть слиты воедино. Каково содержание, такова и форма. И если форма не соответствует содержанию, получается не то, что нужно.

Это француз!

На широкой галерее московского Музея изящных искусств имени А. С. Пушкина — французские флаги — французский и советский. Это флаги дружи: здесь размещается выставка французской живописи XIX века.

Дружба французского и нашего народов имеет давние, глубокие корни. Громы Французской революции находили отклик в России. Русские демократы, поднимая знамя восстания против царского деспотизма, были близки по духу своему тем великим гражданам Франции, которые повели народ на штурм Бастилии. Французская литература, как и французское искусство, в нашей стране всегда пользовалась любовью и признанием. Дружба Тургенева и Флобера была не только фактом биографическим: она являлась как бы символом дружбы великих наций. В духе войны с общим врагом наши народы проливали кровь своих сынов. Советская Армия, разгромившая гитлеровские орды, открыла для Франции путь к освобождению. Французская «Марсельеза» близка сердцу нашего народа: там Франция звучит на улицах наших городов — в 1905 и в 1917 годах как боевая песня революции.

У картины художника Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах» всегда толпится много зрителей. Духом свободолюбивого французского народа веет от этого величественного полотна. На переднем плане — группы павших, но это печальная интродукция как бы обрывается на полуслове. Из клубов порохового дыма в стремительном движении выступают люди, неостановимо идущие вперед: рабочий в блузе, молодой гражданин в цилиндре, мальчик-париканник с дымящимися пистолетами в руках (через 30 лет после создания картины Виктор Гюго вновь воскресил этот образ вставшего на баррикады мальчика в рассказе «Гаршор») — и впереди них аллегорическая фигура молодой прекрасной женщины с трехцветным знаменем республики. Лицо женщины, обращенное к сравнявшимся, полно горького порыва, она внятно и вместе с тем возмущенно. Это Свобода. Во имя ее идут на смертный бой люди, идут, не щадя своей жизни. Символ и реальность совмещены в картине, но, несмотря на это, все она представляет собой единый целое, и символическая фигура женщины волшебное воспринимается как действительность... Герои этой картины — народ Франции, в этом ее глубокий смысл и сила.

Теодор Жерико, друг и старший товарищ Делакруа — художник, сравнительно мало нам известный — представлен рядом с Делакруа своими блистательными картинами, достоинство которых в том, что и в них мы видим мужественный и прекрасный французский народ. «Офицер карабинеров» написан мастерски: суровый воин, исполненный энергии, решимости, воли, встает перед нами в этом образе. Такими были солдаты Франции, сражавшиеся под Мареном, Вергамом, Ульмом.

25-го января.

Дорогой, любимый Алексей Александрович.

Я знаю, что Вы непременно захотите о мемориальном Музее Воинской Доблести России в Грозном писать.

Отличное дело! Он имеет огромное значение для укрепления Советского Союза, и мы должны его и, как в наших силах, поощрять.

Ваш В. В. Шинцова

*Полковник А. А. З.
Рязань, вост. отдел
Шинцова*

Письмо В. Я. Шинцова А. М. Горькому.

Эжен Делакруа.

Свобода на баррикадах (Лувр).

Жан-Франсуа Милле.
Собирательницы колосьев
(Лувр).

Камиль Коро. Порыв ветра (музей в Реймсе).

Жюль Дюпре. Большой дуб (Лувр).

Независимо впечатление производит «Языки ириски» Жерико. Вой отразил, надвигаясь ночью, человек в своем страдании, но сколько силы в этом человеке! Верши, что вот-вот он встанет и пойдет вперед, несмотря ни на что. Картина Жерико, впервые выставленная в 1814 году, имела остро политическую направленность. Невольно пал, неманевренные Бурбоны вернулись во Францию, черные туны нависли над страной, но дух народа остался непреклонным, вера в силы нации не угасла...

На выставке мы видим великолепные картины художников, изображающих простых людей Франции. «Зеленцы» Давида — это песнопение в честь героических женщин Парика, сражавшихся бок о бок со своими мужьями и братьями за свободу. Энергично сложенные руки, гордые повороты головы, проницательная усмешка... Перед нами женщина-борец. Легко представить себе ее со знаменем в руках на баррикаде, а может быть, идущей в шумной и грозной толпе под звуки «Марсельезы»...

«Франк» Энорэ Домье, «Собирательницы колосьев» Жана-Франсуа Милле, «Спящая гримасница» Курба — это выраженные в живописи гимны труду. Не sentimentalное сострадание к тяжелой жизни народа — чувствуется в этих картинах — нет! Уважение и почтение к простым людям, создающим благо жизни, убежденность в их нравственной силе и социальной правоте — вот что ощущается, когда всматриваешься в эти монументальные, сильные фигуры, в суровые, спокойные лица. Стоя перед картинами Домье, Милле, Курба, вспоминаешь Бальзака, Флобера, Золя. В живописи и в литературе во всем своем величии изображен народ Франции; любовью к нему пронизаны творения мастеров пера и кисти.

Страной поэтической природы встает Франция с полотном художников-пейзажистов. Это не могучие русские леса, не бескрайние наши поля и степи, но нежные французские долины, зовущие к интанино и успокаивающие душу. Здесь все своеобразно, как-то по-особому музественно. Пейзажи Франции помогают нам глубже понять душу народа, населяющего долины Сены, Луары, Роны и других рек. Это повсюду Теодор Руссо, Сюбастьен, так называемая школа барбизонцев, — чтобы в наших произведениях первой нашей мысли было обнаружение жизни; делаем так, чтобы человек дышал, чтобы дерево действительно жило...»

На выставке демонстрируются также «Лесная дорога в Иль-Адана» и «У водопада Т. Руссо. Социо, величественно изображена на этих полотнах природа Франции, тщательно выписана каждая деталь. Картина «Большой дуб» Ж. Дюпрэ пронизана неподдельным романтическим настроением. «Шлюз в долине Оптево» Ш. Добинь вводит в мир покоя и гармонии. «Вид д'Астре. Плотина пруда» К. Кору живописно раскрывает красочный простор, внешне непритенное, обильное...»

Ранние картины Клода Моне — «Аллея», «Снег в Аржантьеве» — вызывают у зрителя чувство светлой радости. В маленьком городке, где так уютно снег и вереск, так теплое час — другой, и солнце без остатка истребит его. Но пока он придает такие необычные черты улице Аржантьева, делает воздух таким чистым и прозрачным... Картина необыкновенно поэтична.

Отдельно хочется сказать об Энгре и, конечно, об его источнике, Доминик Энгр возглавлял академическое направление, далеко стоял от переднего, революционного, романтического искусства. Французом по мастерству он был превосходным. Его обаятельная женщина с кувшном у источника — живо воплощение прекрасного. Вы наслаждаетесь гармоничностью этого произведения, его изяществом, утонченностью, безмятежностью, челоюдарностью...

Выставка французской живописи XIX века настолько нам народа, давшего человечеству великие образцы гражданской доблести и мужества, свободы и гуманности, давшего человечеству благородных мыслителей, пламенных революционеров, прекрасных художников слова и кисти, крупнейших деятелей науки.

Ник. КРУЖОВ

ВАСИЛИЙ АРДАМАТОВ

ЯЗЫКИ ИРИСКИ

ПОВЕСТИ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ КАПИТАНА ДЕМЕНТЬЕВА

(см. «Смену» №№ 17 и 18)

Гитлеровское командование готовилось к эвакуации своих дивизий, оруженных в районе германского города И. В этот город под видом немецкого офицера Рюнерта со специальными заданиями был сброшен на парашютах советский разведчик капитан Демидов.

Язычная квартира местного жителя Павла Давыдовича, где жил Демидов, была притгоном радиопередатчик, оказалась занята. Устроившись на время в гостинице, Демидов закомился с немецким майором Занделем и продолжает искать для себя квартиру. Разведчик не удаётся поселиться в одной из комнат квартиры местного художника А. Рубина, после чего он пытается собрать сведения о местонахождении эвакуации. Для успешного выполнения задания ему необходимо иметь доступ на оперативный причал, где производится погрузка войск. Демидов, хитро завоевав доверие майора Занделя, решает прибегнуть к его помощи. Майор Зандель предлагает Рюнерта работу и приводит его в кабинет Мелькха — начальника отдела по организации гражданского тыла.

Демидов невольно посмотрел на Занделя: «Неужели он успел сказать Мелькху об их разговоре за завтраком? Но Мелькх, перехвативший взгляд Демидова, расценил его по-своему:

— Вы, я вижу, не понимаете моего предложения. Поясню. Вакансия, на которую вы претендуете, освободилась как раз потому, что занимавший ее офицер пришел, видите ли, к выводу, что единственная национальная ценность, которая здесь осталась и которую необходимо срочно вывезти в Германию,— Мелькх долго смеялся и в подмигивавший Занделя, а тот одобрительно улыбался. Внезапно оборвав смея, он повернулся к Демидову:— Кто вас знает, что может рекомендовать?

Демидов печально усмехнулся: — Кто может знать солдата? Если командир моей военной дивизии выберется из пленка, как выбрался я, он скажет вам обо мне, что я солдат как солдат. Эта характеристика была у генерала Фельдмайера самой высокой.

— Так вы из дивизии этого старомодного чухудка?

Демидов резко поднялся и сказал: — Господи Мельк! Где бы я ни служил, кто бы ни был моим командиром, имя командира для меня свято, а его приказ — закон. И я никому не позволю третируют моего командира за которого и готов идти на смерть.

Демидов сделал этот смелый ход и впился преданными глазами в Мелькх.

Расчет Демидова был в общем верен. Впрочем, разговор о связях и знакомствах лучше прервать: здать ветки и занушить приклад, во-вторых, он решил, что Мелькх больше всего по душе должен быть вот такой преданный служака, готовый выполнять любой его приказ.

Демидов не ошибся в этом своем расчете. Мелькх вскочил с кресла и, показывая Занделю на Демидова, с лафосом воскликнул: — Вот такие офицеры и спасут Германию! Попомни, Зандель, мои слова!

Демидов, вытрезив лжуху, решил продолжить игру. — Я прошу вас, господин Мелькх,— сказал он с допустимой дозой строгости,— взять обратную вашу слова о командире восьмой дивизии генерале Фельдмайере.

— Беру, беру,— Мелькх дружески похлопал Демидова по плечу.— Беру, служивый капитан рейха. Ваш командир — герой, раз он воспитал таких офицеров... Оформление приказа не заняло и полчаса. И вот Демидов снова пришел в кабинет Мелькху, но уже без Занделя. Начальник отдела встретил его сухо, даже не пригласил сесть. Больше того, он огоршил Демидова совершенно неожиданным предложением: — Расскажите мне о материальном положении вашей семьи.

Но Демидов разгадал ход мыслей Мелькха. — У меня семья, очевидно, нет,— просто сказал он.— Мать и жена остались в Берлине, уже умерли, а я и получаю от них писем. Мне лично состояние все при мне,— Демидов улыбнулся,— и больше мне ничего не надо,— кроме побед над врагом.

— Прекрасно,— сорвалось у Мелькху, но он тут же смущенно засуетился и добавил:— Я, конечно, горю желанием сочувствовать войну, капитан, есть война. Где вы живете?

Демидов улыбнулся: — Я живу в квартире художника Рубина, в квартире, художественные ценности которой охраняются вашей милицией. Как видите, я свои обязанности никак исполнять еще до поступления в ваш отдел.

— Рубин, вы говорите?— Мелькх вынул из кармана миниатюрную записную книжечку и начал ее записывать.

— Ага! Бастионная улица, дом 4, квартира 9. Верно?

— Совершенно верно.

— Там все в порядке?

— Угнетен капитан, что имеюся там коллекция,— Мелькх улыбнулся.— Вы разбираетесь в живописи?

— Нет. Вообще все эти штуки для меня — пустое место. Я солдат, что вы прикажете, то я и солдат.

— Прекрасно,— снова сорвалось у Мелькха.— Вот вам, капитан, переезд задание. У меня есть сведения, что в городском музее как-то местная смолочь снимает со стен ценные картины, которые я хочу вывезти в немецкий причал. Проверьте это со всей тщательностью и будьте беспощадны. Задно подчитайте, сколько понадобится ящиков для упаковки всех картин музея, без рам, конечно.

8

Демидов шел в музей в прекрасном настроении. Утром, направляясь к Занделю, он рассчитывал только на то, что если майор имеет пропуск на оперативный причал, то ему удастся как следует рассмотреть этот пропуск, а в случае удачи и позвонит. Но все сложилось гораздо лучше: он получил работу, да еще такую, которая даст ему возможность проникнуть в святая святых эвакуации...

В музее Демидов без особого труда обнаружил совершенно там полному караулу и огорчился неопытностью, с какой это было предано. В одном зале люди, меняющие картины, умудрились даже оставить табличку, обозначающую с снятой картиной. Сопровождал его смотритель музея — истинный старожок с розовой лысиной и светлым окчаем волосин. Окна музея были заложены жеманом с песком. Старичок, входя в залы, зашкал светом, но далеко не весь, и некоторые картины просто нельзя было рассмотреть. Демидов решил проверить смотрителя. Он вышел из кармана электрический фонарик и направил луч на табличку от спрятанной картины и совер-

цифру, обозначающую, сколько в нем картин. И все.

Глаза старичка оживились. Деметьев еще раз убедился, что старичок положительно не умеет владеть собой.

— Да, да, мы все так и сделаем, послезавтра можете придти проверить.

— Послезавтра утром я зайду непременно. До свидания...

Вскоре Деметьев докладывал Мельку о своей поездке в музей.

— Надо думать,— говорил он,— что замена нескольких картин действительно произведена. Снятые картины, вероятно, спрятаны в подвале, а там хранится сотня полтен и царит дивный хаос. В тесном духу давай мы все картины отделим от рам и упакуем в ящики. Фонды тоже. Я поставил в музее часового, откуда

— Мой.

— Почему вы не сказали мне об этой вашей награде?

— Солдаты орденами не хвастают, они их только хранят как воспоминание о боях. — Вы молодой Рокерт. Между прочим, я бы на вашем месте обратил внимание на дочку художника, прелестный цветочек, а?

— Иметь на войне романы солдатским уставом не предусмотрено,— сурово произнес Деметьев.

— Но если в данном случае вы устав нарушите, я не взыщу... — Мельх засмеялся.

Совершенно неожиданно вечером в гости к Деметьеву пришел майор Загальд. Пришел мрачным и словом похуздешим. Деметьев уже приметил, что майор— натура впечатлительная, с весьма неустойчивым настроением, и теперь с интересом ожидал, что на этот раз сделает его мрачным.

Загальд плотно прикрыл дверь и подошел к Деметьеву.

— Вам начальник отдела ничего не говорил?

— Советовал похлопотать за хозяйской дочкой.— Деметьев засмеялся.

Загальд даже не улыбнулся, задумался на секунду и сказал:

— Все равно секретом это остаться не может. Кажется, сегодня ночью начинается эвакуация войск. Их перебрасывают на защиту Берлина.

«Вот оно!»— радостно и тревожно подумал Деметьев, но равнодушно спросил:

— Всех войск?

— Очевидно.

— Ну, что ж, верхнему командованию видней,— беспечно заключил он.— Вас ведь это не касается?

— Нет, капитан, касается. Наш отдел зарабатывает теперь с максимальной интенсивностью. Мельх сказал, что под наши грузы будет отводиться место на каждом транспорте.

— Наконец-то работа!— весело воскликнул Деметьев.— А то от первого задания, которым я сегодня занимался, мне стало грустно. Боевств с музейными старичками не по мне.

— Эта война, Рокерт, только начинается. И пока мы не вывезем отсюда все, что можно вывезти, мы сами отсюда не выберемся...

— Надо постараться сделать наше дело по-скорее.— все так же весело сказал Деметьев, будто не замечая нервного состояния Загальд.— Может быть, нам еще удастся участвовать в драке за наш Берлин. У меня руки чешутся. Русские еще не понимают, что Германия будет бороться, пока жив хоть один немец, и что последнее слово войны еще не сказано.

Загальд смотрел на Деметьева почти с насмешкой. Сейчас он решил, что в Рокерте ему не найти собеседника для откровенного разговора о том, что угнетало его.

— Что-то у меня странно разболелась голова,— сказал он.— Извините меня, капитан, я пойду, мне надо лечь в постель. Не дай бог заболеть в такие дни: Мельх этого не простит!

Загальд ушел. Деметьев сел за стол и сжал голову руками. Ну вот, началось то, ради чего он послан в этот город. Он быстро и весьма успешно сумел легализоваться, даже заручился доверием начальства. Если случилась опасность, он попал на работу, близкую к перерывкам. Но все это может оказаться ничем иным, если он не сможет получить совершенно точную и исчерпывающую информацию об отрывке территории севосточного фронта.

Там, как и везде, правда, правда, неуточненную, информацию он уже имел: эвакуация начинается сегодня ночью. Об этом немедленно надо известить командование. Деметьев быстро оделся и отправился за рацией на яничную квартиру Павла Арвидовича. Город, погруженный в темноту, казался мертвым. На улицах ни души. Прочитав машина с пригласительными фарами— и снова темнота и тишина. У выхода на Шестигранную площадь его оставил только Павел Арвидович. Деметьев и два пилота, солдаты козырнули ему, и он пошел дальше. Павел Арвидович ждал Деметьева каждый вечер, давно пригнотав рацию, но странно боялся, что его квартирант заметит приход Деметьева и впоследствии найдет его.

В этот вечер квартирант задержался на работе позже обычного, и Деметьев стукнулся

шечно не соответствовавшую новой, повешенной здесь картине. Внимательно прочитав табличку, бросив взгляд на картину и быстро обернувшись к стоявшему позади смотрителю. Расширенные от ужаса глаза старичка сказали Деметьеву все.

— Хорошая картина.— спокойно произнес он и пошел дальше, услышав за спиной облегченный вздох смотрителя. Деметьеву стало жалко этого честного, неопытного человека. Осмотрев весь музей, они прошли в кабинет смотрителя.

— А где хранятся фонды?— равнодушно спросил Деметьев.

— В подвале, господин капитан,— подобострастно ответил старичок.

— Можно посмотреть?— Деметьев снова увидел округлившиеся от страха глаза старичка.— Впрочем, у меня сейчас нет времени. В другой раз. Ваш подвал глубокий?

— О да, там сотни полтонов.

— В порядке строго секретного должен предупредить вас, что в самом ближайшем времени мы ожидаем интенсивную бомбардировку города русской авиацией. Все богатства вашего музея могут превратиться в пепел за один час. Нужно снять с рам все картины, упаковать их в ящики и затем сложить в подвал. Упаковать нужно и все, что хранится в фондах. Срок— два дня.— Смотритель молчал, опустив голову.— Ну что, вам это непонятно?

— Почему? Все понятно.

— Вот и хорошо. Для ускорения описи картины делать не надо. На ящики ставить только

и тряпки теперь не вывезут. А если я найду неупакованным хоть один кусочек,— Деметьев показал похвальному пальца,— я расстреляю всю их шайку.

— Прекрасно, Рокерт!— воскликнул Мельх.— Спасибо. Ну, а я, пока вы был в музее, посетил вашу квартиру.

Деметьев нахмурился, хотя знал, что ничего опасного в таком посещении не было.

— Извините, Рокерт, но я решил сделать это сам. В моем отделе гестапо— это сам я, и лучше, что туда сходил именно я, а не кто-нибудь другой.

— Неужели неверие друг в друга стало в нашей среде обязательным?— с возмущением спросил Деметьев.

— Что касается гестапо, оно всегда никому не верило. Это его специальность. Заинтересовались они и нами, но я сказал, что за вас отвечаю лично. И решил сделать к вам на квартиру. Почему вы так мрачно воспринимаете это? Ведь ничего страшного не произошло. Наоборот, мать и дочь отказываются о вас пререкаться. Это ваш железный крест лежит там на столе?

с ним у входа в дом. Они молча козырнули друг другу и стали вместе подниматься по лестнице. Вместе они оставались и перед дверью в квартиру Павла Аридонича.

— Вы тоже сюда? — удивленно спросил гестаповец.

— А вы, вероятно, и есть мой соперник? — засмеялся Дементьев. — Сегодня вечером и искал себе жилье и зашел в эту квартиру. Мне стало так что тут уже живет офицер гестапо. Чтобы не болтаться по городу с чемоданом, я попросил у хозяйки разрешения на часок оставить чемодан у него. И только теперь вот иду за чемоданом. Иду и боюсь, что хозяйка вместе с квартирником за столь поздний приход спустит меня с лестницей...

Ничего не сказав, гестаповец нажал кнопку. В дверях возникла фигура Павла Аридонича. Увидев Дементьева вместе с квартирником, он ошарашен.

— Здравствуйте еще раз и ради бога извините, — весело сказал Дементьев, — но я только сейчас нашел себе комнату. Дайте мне, пожалуйста, мой чемодан.

— Дайте чемодан так минуту, сию минуту, — Павел Аридонич все понял и побежал в свою комнату за чемоданом. Гестаповец вошел в переднюю, но остался стоять возле открытой двери.

— А где же вы устроились? — спросил Павел Аридонич, передавая Дементьеву чемодан с рапией.

— Бастюнная, четыре, квартира девять...
— У того ж это? Я тут все знаю.
— У художника Рубиса...
— А это кто? что недавно скончался?
— Совершенно точно. Он-то и освободил комнату для меня. — Дементьев засмеялся. — Еще раз простите, что явился так поздно. Спокойной ночи.

Дверь закрылась, и Дементьев стал спускаться с лестницы. Выйдя на площадку, он выругал себя последними словами за то, что отправился к Павлу Аридоничу, совершенно не подумав об опасной нежелательности, которые его могут подстеречь здесь. Просто чудом, что все сошло так гладко... Не успел Дементьев подумать об этом, как перед ним, словно из-под земли, выросли два патрульных солдата. Дементьев назвал пароль, но солдаты не уступали ему дороги и о чем-то перешептались.

Командование окруженных войск, опасаясь самовольной потуги офицеров на транспорты, отдало приказ командатуре — обращать особое внимание на подозрительных в этом отношении военных. Дементьев, шедший в сторону порта, да еще с чемоданом, вызвал у патруля явное подозрение. Солдаты посовещались и предложили ему идти вместе с ними в командатуру.

«Сюрприз за сюрпризом!» — раздраженно думал Дементьев, шагая впереди солдат. Командатуры он не боялся: его легальное положение было достаточно ясным и прочным, и Дементьев правильно догадывался, почему он вызвал подозрение патрульных.

В командатуре оказалось уже несколько задержанных офицеров. Их по очереди приглашали в кабинет дежурного командата. Вызвали наконец и Дементьева. Он вошел в комнату с чемоданом. Дежурный командат глянул на него насмешливо.

— Ваши документы... — Дементьев подал документы, и командат долго их изучал. — Так... А куда же это вы собрались?
— Парфюбара, с временного жилья на постоянное. Из отеля на частную квартиру, где подшеюе.

— В каком отеле вы жили?
— «Бристоль», номер триста пятый.

Командат позволил в гостиницу и убедился, что задержанный говорит правду.

— По какому адресу вы шли?

— Бастюнная, четыре, квартира девять.

Командат вызвал патрульных, которые задержали Дементьева.

— Где вы задержали капитана?

— На углу Бастюнной.

— Проводите капитана до его квартиры. Помогите довести чемодан. Извините, капитан Рижке. Но служба есть служба.

— Я все понимаю. До свидания...

— Патрульные шагали рядом с Дементьевым, один из них нес чемодан. Вдруг изменился слова Маяковского: «Моргнул многозначное

глаз носильщика, хоть вещи снесет задаром вам...» Дементьев не смог удержаться и засмеялся.

— Солдат, несший чемодан, смущенно сказал: — Нам же приказано, господа капитан. Мы люди маленькие...

— Ничего, ничего, мой солдат. На военной службе всякое бывает, я понимаю...

Глядя домой, Дементьев торопливо развернул радиостанцию и передал свою первую радиogramму:

«9—11-17. Эвакуация начинается, возможно, сегодня ночью.

Точных данных пока не имею.

Улакова чемодан, и лег в постель и задумался. Интересно, почему Мельх о начале эвакуации войск Занделью сказал, а ему нет? Впрочем, в конце дня они ведь не выдвинулись. Да и неважно это. Самое главное — сможет ли он завтра попасть в порт. Тревога об этом долго не давала Дементьеву заснуть...

9

Посыльный солдат от Мельха поднял Дементьева в шесть утра. Когда Дементьев взглянул в одеял, там уже были почти все офицеры. Мельх отдавал приказания, и офицеры чуть не бегом покидали кабинет. Дементьев ждал своей очереди, но начальник словно не замечал его. Закончив разговор с одним из офицеров, Мельх повернулся к Дементьеву.

— Погасите свет и поднимите шторы.

Большой кабинет наполнился синеватым светом раннего утра. За окном падал мокрый снег.

— Капитан Рекорт, с вами у меня разговор особый! — Мельх вышел из-за стола и сел в кресло напротив Дементьева. — Именно с вами, потому что из всей этой которты, — полковник кивнул на отсутствие стулья, — только я вас я вижу человека, который знает, что такое приказ, и не любит задавать лишних вопросов...

Мельх говорил, не сводя глаз с Дементьева. — Гибель нашей империи — бред. Этого не произойдет, капитан, даже если русские сотрут в порошок Берлин. Даже если они вынудят войну.

Такая страна, как Германия, не может быть уничтожена. Есть люди, которые быстро поднимут ее. Но эти люди должны иметь средства, чтобы начать свое великое дело.

Так вот, вы и отправляете нас отсюда все самое ценное. За это отвечает наш отдел, я и вы.

— Я выполню любой ваш приказ! — торжественно провознес Дементьев, преданно смотря Мельху в глаза.

— В музее все готово?

— Кроме адреса на ящиках.

— Возьмите сейчас с собой солдат, они сделают надпись. Адрес такой...

Дементьев торопливо развернул радиостанцию и передал свою первую радиogramму.

Мельх протянул Дементьеву сложенную бумагу. Тот развернул ее и прочитал: «Гамбург, Елизаветштрассе, 7, Гринвальд».

— Как вы догадываетесь, — сказал Мельх, — это адрес условный, но трюк попадет в нужные руки.

— Кому сдать ящики в порту? — спросил Дементьев, вставая и напряженно ожидая ответа, от которого могло зависеть все.

— Пакугау № 11, общеполномоченный гестапо Брандт. Получите от него расписку: «Принято столько-то ящиков». Расписку сдайте мне. И все.

— А не лучше ли будет, если я сам доставлю ящики прямо на корабль? Это надежнее.

— Вы просто не знаете, кто такой Брандт, — Мельх усмехнулся, — и по неосторожности выражаете ему недоверие. Делайте так, как я сказал!

Дементьев вышел из кабинета. Вот и случилось то, чего он больше всего боялся. Чтобы надежнее засекретить свои дела, Мельх решил между ним и кораблем поставить какого-то Брандта, которого он, видимо, знает лучше и которому больше верит. Впрочем, вовсе и не поэтому, просто Мельху нужна цепочка исполнителей, пройдя через которую дел как бы теряло след. Возможно, в этой цепочке еще звено и после Брандта. Но черт с ней, с этой цепочкой! Дело в том, что он фактически отрезан от порта. Пакугау № 11 находился в нескольких километрах от оперативного причала...

Тревога Дементьева утихла, еще больше, когда он вышел из отдела. Улица была затоплена войсками, и вся эта серо-зеленая масса двинулась в сторону порта. Профилясь к музею, Дементьев испытывал такое чувство, будто он в минуту боя покидает передовую...

Надпись адреса на ящиках явно около часа. Да, Мелья был отличным организатором: едва успели закончить писать адреса, как прибыла автомашина с солдатами-грузинками. Наблюдая за погрузкой, Дементьев изрядно-то думал о том, как ему пробраться в порт. Шагах в десяти от него остановился, также села за погрузкой, высокой, грузный офицер в кожаном пальто без знаков различия. Только фуражка на нем была офицерская. Он по-минутно делал вращательный жест головой, точно ему был тесен воротник. Когда погрузка закончилась, офицер в кожаном пальто подошел к Дементьеву.

— Вы капитан Рюккер? — И, не ожидая ответа, добавил: — Я Брандт. Пойдемте...

За углом он сел за руль малолитражного «опеля», открыл дверку и указал Дементьеву на место рядом с собой. В машине пахло бензином и резким одеколоном.

— Сколько ящиков?
— Семьдесят девять.

Брандт вынул из-под сиденья блокнот, вынул из него лист и записал, что написал: «Получено 79 ящиков специального груза».

— Вы забыли подписаться, — строго сказал Дементьев, прочитав записку.

Брандт посмотрел на него неподвижными глазами.

— Отдадите эти Мелья, и все. Можете идти.

— В порт мне ехать не нужно?

— Нет. — Брандт открыл дверку. — До свидания.

Не успев Дементьев выйти из машины, как «опель» сорвался с места и исчез. За ним потянулись грузинки с ящиками...

Как назло, в коридоре отдела Дементьев столкнулся с полковником Зандельем. Дементьев считал сейчас майора чуть ли не главным чиновником того, что ему не удается попасть в порт.

— Как дела, Рюккер? — торопливо спросил Занделье, и, оглянувшись по сторонам, тихо сказал: — По-грузински советуем пооблажаться, чтобы однажды вместе с ящиками не забыли погрузить и вас.

— Не понимаю, — сухо произнес Дементьев. — Я сказал достаточно ясно. — Занделье поклонился и пошел по коридору.

Дементьев вошел в кабинет Мелья. Прочитав расписку Брандта, начальник отдела пошел к ней зажженной свечку, подожел к пепельнице и съел листок. Затем он вынул свою записную книжку и что-то замишурил в ней. Только после этого Мелья поднял взгляд на стоявшего перед ним Дементьева.

— Вы хотите что-нибудь сказать?

— Нет. Разве только то, что ваш Брандт мог бы быть всеведущим.

Мелья усмехнулся.

— Он человек гестапо. У них вежливость — недостаток. Между прочим, это именно он непременно хотел вас проверить, когда вы поступали ко мне.

— Значит, я отвечаю только за погрузку ящиков в машины?

— Да.

— Но мне кажется, эту работу может выполнить рядовой солдат.

— Вот как? — Мелья встал. — В военной машине рейка вы, капитан Рюккер, и есть рядовой солдат! — повис голос, сказал он.

— Вы не поняли меня. Я просто хочу быть вам полезным в большей степени. — Дементьев встал. Он поустоявал, что переиграл, и стремился исправить положение.

— Это — дело другое, — примирительно произнес Мелья. — Возьмите мою машину и сию же минуту поезжайте вот по этому адресу. Там проводится операция капитан Лемке. Он должен был доложить об окончании дела еще в полдень. Сейчас четырнадцать двадцать. Выясните, почему он задержался, и, если увидите что нераспорядительности, от моего имени прикажите сделать операцию вам, а он сам пусть немедленно явится ко мне.

(Продолжение следует.)

Развалины Мачу-Пикчу, одного из древнейших инкских городов в долине реки Уруамба.

Альберто РОХАС

РАССКАЗ О ИММЕ СУМАК И ЕЕ РОДИНЕ

Представьте себе жителей большого современного города, расселившихся на площади, в три раза превышающей территорию Франции, и вы поймете, какова плотность населения в Перу.

Что представляет собой перуанский пейзаж? Вдоль побережья тянется белая пустыня. На протяжении почти двух тысяч километров едва ли можно насчитать три или четыре реки, достойные носить это название. Затем следует высокогорная зона с ангоконскими вершинами, достигающими четырех, пяти, шести и даже семи тысяч метров. Далее идет область девственных лесов, так называемая сельва. Густые лианы настолько переплетают ветви и стволы деревьев, что на земле под ними царит вечный мрак. Климат в этих местах сырой и нездоровый. Хищные звери, болотная якоррада и ядовитые насекомые подстерегают на каждом шагу человека, отваживающегося проникнуть вглубь сельвы. Племена индейцев, живущие здесь, находятся еще на примитивном уровне развития. Одежда им служит лишь небрежная повязка. Гораздо легче добраться из Лимы, столицы Перу, до Моксы, чем проникнуть в какой-нибудь отдаленный уголок сельвы.

В этой стране величайшая бед и бесплодных пустынь, где еще сохранились древняя культура инков, раздался голос замечательной певцы, кумишши своим пением всемир. «Анчиской соловей» — так с гордостью называют теперь перуанцы свою соотечественницу Имму Сумак. Но не сразу грести слава и успех к этой певце. Много горечи, поражение и разочарований пережила она, прежде чем мир признал ее талант.

Несколько лет тому назад после одного неудачного концерта в разговаривал за кулисами «Театро монументаль» с Иммой Сумак.

Этот очерк написан специально для «Смены».

— Я никогда больше не буду петь, мой голос нигде не годится! — плача, жаловалась Имма.

В нескольких шагах от нас ее муж, Моисес Вивано, ругался с хозяйном театра, который, мешая угрозы с бранью, кричал:

— Я уже потерял из-за вас тысячу денег! Какой болван сказал вам, что ваша жена умеет петь! Публика не идет на ее концерты, она не хочет слушать такой дичай визги! Если вы решитесь во что бы то ни стало разорить чей-нибудь театр, то идите для этого других дураков!

Отчаявшись Имма Сумак твердила, что она бросит искусство и станет обыкновенной домашней хозяйкой. И пока ее муж продолжал перебранку с хозяином театра, она вытаскала из сумочки носовой платок — единственное, что там имелось, — вытерла слезы и отправилась домой. Я вызвался проводить ее и предложил Имме свое пальто, потому что она не могла купить себе нового, а старое давно уже не входило в ломбарде. Войдя в дом, я увидел мать Сумак, которая, склонившись над столом, сосредоточенно орудовала утюгом, хотя уже было два часа ночи. Стряхив беляя служила единственной статьей дохода в этой семье, так как пенне Иммы приносило один убыток и слезы.

В то время муж Иммы занимался на предпоследнем курсе медицинского факультета. Ценно огромных усилий ему удалось собрать группу любителей перуанского фольклора. На это потребовалось около шести месяцев: занятия в университете пришлось прервать. Лишний всего необходимого, без гроша в кармане, он всегда ходил в одном и том же костюме, демонстрируя богатыню коллекцию заплат.

— Брось ты носить со своим романтическим брадьями! — говорили ему приятели. — Лучше займись медициной, она даст тебе гораздо больше, чем музыка.

На деньги, взятые в кредит, Вивано и

Имма Сумах организовали небольшую труппу исполнителей индейской музыки и решили поехать в США.

Но счастье не спешило улыбнуться им. Деньги, чтобы сделать хорошую рекламу, у них не было, а в Индии в Перу стоят дорожно-Правда, на доброт труппы собралось немало народа, но пришли Имму весьма холодно. Первая поездка не вызвала аплодисментов. И вторая тоже была встречена с явным неудовольствием, а когда Имма задела трюфели, раздался смехотворный хохот. Возмущенные зрители покидали зал, негодуют:

— Это — жульничество! Не голос, а какая-то сивистулка! Куда смотрел муниципалитет, давая ей разрешение выступать!

Им было известно, что они присутствовали при рождении знаменитого голоса. Публика никогда не слышала, чтобы так пели. Пение Иммы Сумах выходило за рамки привычного искусства. На другой день народу пришла еще имиджевая А. в конце недели Имма пела уже перед пустыми креслами.

Только одна газета поддержала ее. Остальные хранили молчание. Все надежды Иммы и Моисеса развелись, как дым. Хозяин театра грозил начать преследование, некоторые музыканты из состава труппы настаивали на возмещении убытков, а люди, финансировавшие их выступления, потребовали оплатить имущество Иммы и ее мужа. Сурруго «спасло» разве только то, что у них нечего было списывать.

То были годы, когда в Перу звучала в основном иностранная музыка. Публика посещала только мюзик-холлы, на подиумах которых танцевали доурядовые женщины. За эти представления, проходившие при полных сборах, платили бешеные деньги. А Имму никто не желал слушать, хотя билеты на ее концерты стояли значительно дешевле.

Нас, друзей Иммы Сумах, стремившихся создать национальное перуанское искусство, к сожалению, насчитывалось немного. Гораздо больше было противников. Они советовали Имме петь с диалектом в рево, предлагали ей солидный заработок. Но певица с недогаданным отвергала эти предложения.

Имме «доброжелатели» говорили Имме: — С какой стати ты третишь свою молодость с человеком, которого публика презирает как композитора и которому придется ждать сто лет, прежде чем он найдет себе клиентов как врач? Разведись с ним!

Имма вышла замуж за Виванко, когда ей едва исполнилось 18 лет. Обвенчались они потихоньку. У них не было денег, чтобы от-

праздновать свадьбу. Женит и невеста пришли в церковь в своей обычной одежде. Они обошлись без шаферов, без шампанского, без свадебного пугачества. Одним словом, то был союз двух бедняков.

О том, чтобы поступить в консерваторию, Имма при такой бедности и помышлять не смела. Ведь консерватория — это заведение для избранных. Чтобы попасть в него, необходимо иметь икай, быть элегантно одетым, обладать деньгами. Ничего этого дочь индианки и испанца Императрис Чаварри (это — подлинное имя Иммы Сумах) не имела.

В один прекрасный день Имма и Виванко поинюми Перу. На деньги, занятые у знакомых, они купили билеты и отправились в США. Но и там счастье улыбнулось им не сразу. Сурруги уже хотели вернуться домой, но у них не хватало денег на дорогу. Они послали во все концы полицию, отчаянно писали, прося помощи. Но никто не удостоил их даже ответом. Ни Имма, ни ее муж не подождали тогда, что они стоят на пороге небывалого успеха.

Случилось это так. Один американский журналист, придя к выводу, что Имму постигают неудачи только потому, что ее выступления плохо рекламируют, решил помочь молодой певице. Он посоветовал ей перебраться в Нью-Йорк и там познанимил Имму с директором лучших театров Бродвея, представив ее как единственную наследницу царя инков Атауальпы. Узнав об этом, нью-Йоркская публика буквально вклинчила на концерт. Каждому хотелось посмотреть на единственную наследницу легендарного перуанского императора. Но это папиночество приняло такой затаенный характер, что критики начали сомневаться, действительно ли зрители стремятся только увидеть индианку, или же их привлекает в театр и ее пение. И знатоки акалольного искусства стали посещать ее концерты. Вот тогда-то к ней и пришла слава, газеты с восхищением признали ее голос самым высоким и единственным сопрано, имеющим диапазон в шесть октав. Критики отмечали также прекрасный тембр голоса Иммы, редкую способность певицы переходить от самых низких звуков к самым высоким.

В жизни Иммы Сумах произошла резкая перемена. С ней начали заключать контракты на много лет вперед; голоса певицы был застрахован в двадцать миллионов долларов. За сравнительно короткое время состоялось сотни ее концертов, бесчисленное множество напетых ею пластинок сделали голос Сумах достоянием всего мира.

Однако реакционные круги Перу шумный успех Иммы считали недооборудованным. Когда здесь появились первые пластинки с ее пением, «знатоки» музыки подняли против певицы злобную кампанию. Они утверждали, что Имма якобы искажает индейский фольклор, придает ему смысл и черты, чуждые песням «чужа». Злоупотребление выступления этих горе-критиков сводились к одному: надо решительно осудить исполнительский стиль Сумах. «Централь» фольклора дошли до того, что называли Имму «плохой патриоткой», торгующей за границей перуанским фольклором.

Но, уверяемая в своей правоте, певица не отвечала на эти нападки. Она понимала, как важно обогатить музикальное наследие, внести в него нечто свое, новое. Ибо искус-

Имма Сумах.

ство — это не рабское подражание или простое повторение пройденного, а постоянное творчество.

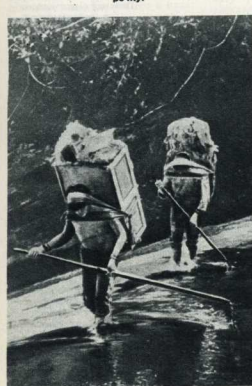
Поча велась эти споры, Имма Сумах продолжала выступать с концертами и завоевывать симпатии публики.

Слава об «индийском слове» облетела весь земной шар. Даже самые завидные скелеты вымушлены были признать, что дело вовсе не в рекламе, а в необыкновенном искусстве певицы, которое очень быстро совершенствуется. По мере того, как телеграммы приносили известия о ее новых триумфах, у нее становилось все меньше противников и в Перу. Вскоре Имма Сумах стала национальным идеалом. Когда она вернулась на родину в 1953 году, публика, которая причиняла когда-то певице столько огорчений, встретила ее с исключительным восторгом. В городе не нашлось такого театра, который мог бы вместить всех желающих попасть на ее выступления. Поэтому первый концерт Иммы Сумах после ее возвращения в Перу состоялся на центральном стадионе Иммы — «Эстадио Националь». Тысячи горожан стоя приветствовали певицу в течение пятнадцати минут. Это был торжественный акт признания Иммы Сумах, женщины, которая прославилась своим пением Перу больше, чем все дипломаты, вместе взятые, за все время существования республики.

А теперь, дорогие советские друзья, мне хотелось бы хоть коротко рассказать вам о нашей стране, о родине Иммы Сумах, о моем народе, который отделяют от вас многие тысячи километров, горы, моря и океаны, но который с дружеским вниманием следит за вашей страной, за ее успехами и победами.

Перу — очень богатая страна, но народ ее живет в крайней нищете. Дело в том, что неисчислимые природные богатства Перу — железо, уголь, золото, серебро, олово, медь, древесина — находятся в руках иностранного

Индийцы-носильщики переходят вброд горную реку.

На одной из улиц города Чачапалос.

капитала. Основным препятствием на пути свободного развития национальной экономики страны является феодальная система. Недавно италийский ученый Раймонди, имея в виду потенциальные возможности страны, говорил: «Перу — это индий, сидящий на золотой скамье».

Характерная черта перуанской действительности — сосуществование самых различных историко-социальных формаций. Здесь еще встречаются племена индейцев — охотников со скальями, которые никогда не смешались с современной цивилизацией. Миллионы крестьян живут в условиях настоящего феодализма. Наряду с этим в крупных городах господствует национальный капитализм с его фабриками и заводами, банками и финансовыми магазинами. Что касается иностранного капитала, то он почти полностью захватил в свои руки командные высоты в хозяйстве страны.

Как и другие зависимые народы, перуанцы жаждут освобождения своей экономики от засилья иностранных монополий. В течение многих лет перуанский народ борется за свои права и самостоятельность.

В нашей стране, как, впрочем, и в других странах Латинской Америки, большую роль в развитии основных политических проблем играет армия. Майоры, полковники, генералы, опираясь на военную силу, как правило, ищут случая избавиться от президента, чтобы самим занять освободившуюся вакансию. Это порочный метод «окраивания» президента практикуется с первых лет существования республики. Вот почему у нас говорят, что президентская лента — это последний знак отличия генерала. Надо сказать, что военщина надеется не только на свою силу. Каждая «револю-

ция» — так называют в Латинской Америке государственные перевороты — проводится с согласия и при поддержке мощных монополий. Проходящие к власти генералы не остаются в долгу. Они становятся верными прислужниками своих богатых покровителей. Подобные «революции» происходили и у нас часто, что в первые тридцать три года существования Перуанской республики в стране сменились тридцать четыре президента...

Изгнанные из Перу колонизаторы оставили немало следов своего владычества: феодальный уклад в хозяйстве, испанский язык, католическую религию, свою систему образования.

Перуанцы — веселые, жизнерадостные люди. Им очень нравятся праздники, сопровождающиеся карнавалами, пением, танцами. В этом отношении перуанцам повезло: за год у нас отмечается более восьмидесяти праздников.

Большой популярностью пользуется в народе праздник воды. Три дня в городе царит безудержное веселье. Всюду слыт толпы народа с ведрами, кружками и пузьями, наполненными водой. Мужчины и женщины стремятся облить ею друг друга. Каждый ежоминутно рискует вымокнуть с головы до ног. Нередко на улицах разгорается шумные и веселые «битвы». Выигравшим считается тот, на чье платье не попало ни одной капли воды в течение всего карнавала. Но это удается немногим.

По вечерам устраиваются многолюдные балы, во время которых возникают такие же «битвы», что и днем. Разница только в том, что вода заменяется эфиром, который тоненькой струйкой направляется в глаза танцующим при помощи так называемых чис-

тес. В этом году праздник воды отменялся с таким энтузиазмом, что первенцы добились мировой рекорд по несчастным случаям: только в столице республики оказалось около четырех тысяч раненых.

Перуанцы — страстные любители спорта, хотя самым малым занимаются не достаточно. Можно сказать, что Перу насчитывает только одного олимпийского чемпиона. Это Эдвин Васкес, завоевавший первое место на Олимпийских играх в Лондоне по стрельбе из пистолета.

Большая аса перуанцев привлекает футбол. По поводу недели жонгли Лимы обсуждают матч прошлого воскресенья, а остальную часть недели предсказывают результаты будущей встречи. Во время игры на стадионе происходит настоящее столпотворение.

В нашей стране есть и прославленные мастера конного язда. Перуанская команда неоднократно побеждала футболистов Бразилии и Уругвая. На Олимпийских играх 1936 года, в Берлине, наша команда дошла почти до финала, но затем выбыла из соревнования, так как судейская коллегия аннулировала матч, в котором мы победили австрийскую команду. Этот провал вызван результатом расовых предрассудков гитлеровских нацистов: восемь наших футболистов были неграмми. В настоящее время в Лиме существует профессиональная команда, лучшие игроки которой зарекомендовали подчас намного больше, чем пропадавшие, артисты или писатели. Не случайно у нас и сейчас так широко выдвигаются ребята ногами, как головы.

Ежегодно в Перу приезжает много туристов. Подолгу рассматривают они руины древней инкской цивилизации в городе Куско, который называют «американскими Римом или Арахеологической столицей» континента. Особенной известностью пользуются руины в Мачу-Пикчу, поразившие огромными размерами своих каменных блоков, старинными крестами и храмами. За известностью крестов в Мачу-Пикчу вдохновенно воспел в своих стихах чилийский поэт Пабло Неруда... Еще больше привлекает туристов «куррида де торрес» — бой быков. В Лиме самая большая арена во всей Южной Америке. Задей куридам всегда ступают знаменитые торреро мира.

Трудовой лод Перу проявляет живой интерес к Советскому Союзу, жаждет увидеть на своей земле хорошо известную у нас советских футболистов; артистов балета, которых мы, к сожалению, знаем только по документальным фильмам; шахматистов, чье мастерство вызывает у нас восхищение; советских гимнастов, завоевавших первое место в Хельсинки; стралов — чемпионов мирового первенства в Каракесе.

Приезжайте к нам, дорогие друзья!

Перевод с испанского
Л. ХАНЬКОВОЙ

ТРАВЯНОЙ ХОККЕЙ

Недавно любители спорта, пришедшие в выходной день на один из московских стадионов, удивленно заметили, что на футбольном поле установлены хоккейные ворота. По свистку судьи к центральному кругу направлялись две команды, одетые в такую же форму, как и футболисты. Только вместо бутс на ногах у игроков были тапочки, и каждый из них держал клюшку. Уж не в хоккей ли собираются играть спортсмены на зеленом футбольном поле? Да. Но не в обычный, а травяной.

Судья поставил небольшой мяч, посмотрел на часы и дал свисток. Встреча началась.

Игрок передал мяч партнеру слева, тот сильно пробил его на край. Незадолжко, получивший мяч обесил защитника, резко ударил по воротам. Братер прыгнул, пытаясь поймать мяч, но тот скользя по руке и влетел в сетку.

— Гол! — закричали болель-

Однако их восторги были преждевременны. Оказывается, мяч считают забитым только в том случае, если удар произведен из ударного круга.

Внимательно приглядевшись к

Фото А. Переходина.

игре, зрители заметили много и других особенностей. Спортсмены вооружены клюшками длиной в один метр. Левая сторона клюшки плоская, а правая полукруглая. В отличие от зимнего хоккея,

где разрешается играть и той и другой стороной клюшки, здесь игра ведется только левой, плоской. Это требует определенных навыков. Отбивать мяч ногой может лишь вратарь.

Травяной хоккей — одна из древнейших спортивных игр. Родиной его — Индия, откуда он распространился в страны Ближнего Востока и Египет. В Европе в травяной хоккей стали играть только лишь с конца XIX века.

Мировое первенство по травяному хоккею впервые было разыграно в 1908 году, на IV Олимпийских играх в Лондоне. С тех пор травяной хоккей прочно вошел в олимпийскую программу. Чемпионами по этому виду спорта вот уже почти тридцать лет беспрерывно являются хоккеисты Индии. Достоинные соперники индийцев — команды Чехословакии, Венгрии, Франции, Англии.

Все больше развитие получает эта темпераментная, красивая игра и в нашей стране.

Н. НИКОЛАЕВ

атласным одними. Иероглифы доносится далекий гогот гусей и одиночные выстрелы Лунички.

«Бум везет» — вздохом с зависшей.

И внезапно почти над самой головой раздается далекий выстрел — выстрел дальнего горючка. От неожиданности переключается выключение. Гуси-гуси! Минимум! Шелый табуи снижается на посадку. И не успевает опуститься, нутные ровные лапы носовых крючков на нем срываются с гудом вылетают одна за другой да огненных, ах ты! Перелетевшие птицы взвиваются в небо, а одна трепыхается в овраге Тяньцзяна, в тугом перегибе несут не менее четырех километров в час, что это? Смотрю на голубое небо, и вижу, как летают лодочники в огненном, и меня будит колодом колод. В глянцах вместе отвечающих колоды опавой авиации вносят уже успешные доукомплектованные звание явны Гусь, омывается, слепой. Ого его глаза вытиски. Выскочил из него, охотника молотой дробью или при невозможности обстоятельств высылал женщин — кто знает? Но душу мою охватывает такое чувство, что я несомненно совершил тяжкое злодеяние — проступок.

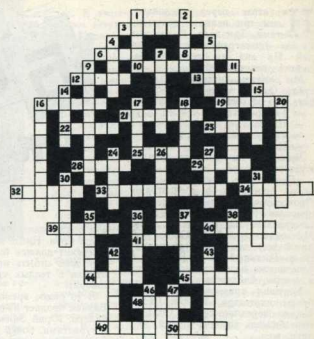
Итак, медленно ступаешь по земле, и невольно замечаешь, когда я, некто волоча ношу, пошел проноситься. Петру Луничку сплотившись дождиком восток. Рядом на дождя свиста настольной на плечи.

— Значит, повезло сегодня, глубоко мучитель, беру глумления в руки. И тут же, помпидуре, шепотом произносится — Славной гуси.

Получил ялань — гусю под твердыню. А — Но слышно, как он мог летать, нормальность, инициалы. Видеть, давно уже лишился сил, отсюда на далекой тундры.

— Это верной — соглашается Луничка. Глумления в наших руках не глумится. Стоит быть, он прилетел сюда отсюда на далекой тундры. Пролетел тысячи километров, мильона на одиночку, выдался суббота и говорит: — Да, батенька моя, Оди он давно бы погиб среди них, не полади под мой выстрел, попадуть, пропали бы еще долго.

г. Сулей, П. СТЕФАРОВ

Кроссворд

Составил С. Вассо

По горизонтали:
 3. Остров в Тихом океане.
 6. Порода соцветиях мотыльков.
 9. Валдошское растение.
 10. Валдошское растение.
 12. Валдошское растение.
 13. Ивовое, которое растет в воде.
 16. Горная птица в Плушной.
 21. Река на Сахалине.
 25. Дерево, растущее только в северном полушарии.
 29. Каменистый мелис.
 32. Ветер.
 33. Деревянная древесина.
 34. Валдошское растение.
 35. Река на Дальнем Востоке.
 40. Морское животное.
 41. Представительная народность, живущая в Нижне-Амурском и Сахалинском областях.
 44. Млекопитающее животное.
 45. Рыба на озерах озерах.
 48. Лес на Сибирских просторах.
 50. Морская птица.

По вертикали:
 1. Олень, живущий в горных районах Востока.
 2. Птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:
 1. Тупонос.
 2. Перигей.
 3. Вулдош.
 4. «Фиделон».
 5. Серпантин.
 6. Геронда.
 7. Пролетар.
 8. Фабуна.
 9. Работница.
 10. Диньяма.
 11. Догорев.
 12. Выпад.
 13. Юго-восток.
 14. Ковш.
 15. Санаторий.
 16. Птица.
 17. Крапива.
 18. Озеро на границе Приморья и СССР.
 19. Игаришский Народный район.
 20. Морская птица.
 21. Цивет.
 22. Советский исследователь Дальнего Востока.
 23. Пернатое животное.
 24. Порт на берегу Сахалина.
 25. Водяной.
 26. Область центр в Сибири.
 27. Безлесная страна.
 28. Промысловый район.
 29. Каменистый остров.
 30. Морская птица.
 31. Ковш.
 32. Санаторий.
 33. Ветер.
 34. Валдошское растение.
 35. Река на Дальнем Востоке.
 36. Морское животное.
 37. Каменистый мелис.
 38. Валдошское растение.
 39. Каменистый мелис.
 40. Морское животное.
 41. Представительная народность, живущая в Нижне-Амурском и Сахалинском областях.
 42. Млекопитающее животное.
 43. Валдошское растение.
 44. Млекопитающее животное.
 45. Рыба на озерах озерах.
 46. Рыба на Сибирских просторах.
 47. Валдошское растение.
 48. Лес на Сибирских просторах.
 49. Лес на Сибирских просторах.
 50. Морская птица.

Кадр из фильма. Мать Дмитритова Парашева (артистка Цветана Арнаудова) и жена немецкого рабочего Зельга Лина (лауреантка артистка Латвийской ССР Велта Лина).

Урок истории

Так называется художественный фильм, рассказывающий о великом сыне болгарского народа Георгии Дмитритове, о лейтенанте которого Дмитритове переплетился из обывающего в грозного обанкетированного. После «Героя Шилина» вторично картина, над которой работали в творческом содружестве советские и болгарские немематогграфы.

Сценарий написал Л. Арнаудов, который является одновременно и режиссером-постановщиком картины. В роли Дмитритова выступает заслуженный артист Болгарской Народной Республики Стефан Завоя, его матери — артистка Цветана Арнаудова, Зельга Лина — артистка Велта Лина, жена немецкого рабочего Дмитритова — артистка Велта Лина, жена немецкого рабочего Дмитритова — артистка Велта Лина, жена немецкого рабочего Дмитритова — артистка Велта Лина.

длительного суда, поучившему выводу деятеля латвийского искусства, награжденного СССР Юрию Осману.

В актерском коллективе, занятом в съемках «Урока истории», немало творческих работников. Среди них режиссер Христо Писнов только в прошлом году исполнял Государственным институтом кинематографии в Москве, артист Иван Тонев исполняет роль коммуниста Слава, Геннадий Юдин (театр киноактера) Юдин — жена артистки Латвийской ССР Велта Лина, работают над образами немецкого рабочего Ланга и его жены.

Съемки фильма ведутся в Болгарии. Государственным киноагентством в Москве за зарплату в конце года.

О. МОЙСЕВ

На перелете

Наш охотничий шалаш, похожий на остров стовок, приоткрыл среди унылых болотных топей, в сенокосе пышнокошых лесов. Перелета на единственном полуденном дожде-сезонке, выходя на изморозь утлый иный. Яй беру в одну сторону, а мой товарищ, сельский учитель Пётр Утеуч, — в другую.

сторону и исчисляет за грибов попрыгавших намыльды. После этой удачи долгое время сижу в ожидании следующей добычи. Подбитого сезону вольно порочило к берегу, и он лежит теперь рядом, поблескивая пестроперьями

Китайские загадки

Смелости, как будто его нет, кто-то знает — это похоче на лед, а не таит, похоче на воду, а не течет, кто-то знает? (шаньцзю)

Такой бойшой, что занимает весь мир, такой маленький, что в любую цель пролезет. (шаньцзю)

Живет норова в углу комнаты. Чемоданчик есть, по совую солому, а не телится. (чаншю)

Ходит голубой вниз, людской пищи не ест, а любые слова слышать может. (шаньцзю)

Днем живут полог волос, а ночью — пустой. (шаньцзю)

Когда его пользуются, — ет бросают. Когда им пользуются, — на спине таскают. (шаньцзю)

Смешно, но не видишь, встретишь — не поймашь, когда говоришь, что хорошишь, другие — плохой. (шаньцзю)

Вода ее не замочит, огонь не сожжет, удар кулаком — не разрушит, поточка — не погасит, не обратит внимания — великаном ее не поднимут. (чаншю)

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28/30.

№ 882.

Цена № 2447.

Тел. Д.3-94-24. А 10370.

Формат бумаги 70 × 108.

Подписано и печатно 20/IX 1959 г.

Тираж — 250 000 экз.

1,75 бум. л. — 4,8 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

В темпе марша

Затембала

Чудес на свете очень много.

Иди — иди — и верь своим глазам.

Видит чудесная дорога людей от.

Видеть чудес сам.

Идишь до рога, поешь, поешь, и ветрицей по.

Привал хороши, ночлег хороши, а все ж дорога лучше.

Привал хороши, ночлег хороши, а все ж дорога лучше.

Привал хороши, ночлег хороши, а все ж дорога лучше!

ИДЕШЬ — ПОЕШЬ

Туристская песня

Слова А. КОВАЛЕНКОВА.

Музыка В. БЛОКА.

Чудес на свете очень много,
Иди — и верь своим глазам.
Ведет чудесная дорога
Людей отважных и чудесам.
Идешь дорожно — поешь,
И ветер — твой попутчик.
Привал хороши, ночлег хороши,
А все ж дорога лучше!

Зовут в поход моря и горы,
Шумят зеленые леса,
Лугов, полей, озер просторы
Нам открывают чудеса.
Идешь — поешь, цветком сорвешь,
И солнце — твой попутчик.
Привал хороши, ночлег хороши,
А все ж дорога лучше!

Лишь тот глазам своим не верит,
Кто, за порог не выходя,
На своей аршин всю землю
Мерит,
Бойтся снега и дождя.
Ну что ж, пуская снега и дождя,
Метель, туман и тучи...
Привал хороши, ночлег хороши,
А все ж дорога лучше!

С грозною споря, не бойся грома,
Шагай, товарищ, веселее!
В горах, лесах — вы всюду дома
Под небом Родины своей.
Идешь — поешь, пофдем берешь,
И солнце — твой попутчик.
Привал хороши, ночлег хороши,
А все ж дорога лучше!

Цена номера
2 руб.

Г. Хрипач
56